

Валерий Воронин

**КОВЧЕГ
ЦАРЯ АЙЯ**

Валерий Воронин

Ковчег царя Айя. Роман-хроника

«Свет»

2017

УДК 82+82.3+908
ББК 63.3+84.44+86.4

Воронин В. В.

Ковчег царя Айя. Роман-хроника / В. В. Воронин — «Свет»,
2017

ISBN 978-5-00053-962-0

Трилогия «Ковчег царя Айя» рассказывает о Ковчеге Завета, в эту историю вовлечены люди разных эпох. Читатель узнает из книги о Ро-Гасе, представителе народа гитсов, потомке фараонов Египта, о крестоносце Дивоне, волею случая оказавшемся сначала на Святой Земле, а затем в Ливонии, и о судьбе Ковчега Завета, которая на короткий миг связала легендарного разбойника Кудеяра с этой святыней. А далее – еще интересней! Удивительным образом заключительная фаза этой непростой истории сведет воедино судьбу мастера, создавшего Ковчег Завета, с самим великим произведением, и они вновь окажутся на одной земле. Хотя правильнее сказать уже – в одной земле. А какое место отводится в повествовании Крыму, читателю станет, когда он прочтет трилогию. И, конечно же, удивится ее ярким и неожиданным сюжетным поворотам...

УДК 82+82.3+908
ББК 63.3+84.44+86.4

ISBN 978-5-00053-962-0

© Воронин В. В., 2017
© Свет, 2017

Содержание

Предисловие к изданию трилогии «Ковчег царя Айя» в издательстве «Амрита-Русь»	5
Предисловие	6
Книга I.	7
Часть I	7
Глава I	7
Отец Петр	7
Руданский	10
Исповедь отца Петра	13
Глава II	15
Бетон	15
Опричнина	19
3 мая	22
Глава III	25
Ссора	25
Здравствуйте, девочки!	28
Побег	31
Часть II.	35
Глава I	35
Разбойник	35
Явь и сон	37
Удача	41
Глава II	44
Женин сон	44
Шулдан	48
Аллины откровения	51
Глава III	54
Вильям и Джейн	54
Золотой стержень	57
Отвращение	60
Часть III	63
Глава I	63
Ильяс-Кая	63
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Валерий Воронин

Ковчег царя Айя

«...плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте Землю... и поставлю завет Мой с вами, что не будет более истреблена всякая плоть водами потопа и не будет уже потопа на опустошение земли... Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением (вечного) завета между Мною и Землею».

Ветхий Завет (Быт. 9), мыс Айя, Земля Обетованная

«И сказал Господь Моисею: взойди ко Мне на гору и будь там; и даю тебе скрижали каменные, и закон, и заповеди, которые Я написал для научения их...»

«...Сделай Ковчег из дерева ситтим: длина ему два локтя с половиной, и ширина ему полтора локтя, и высота его полтора локтя; и обложи его чистым законом, изнутри и снаружи покрой его; и сделай наверху вокруг него золотой венец...»

«И дан будет Светозарный с Оком в воспомощевание, дабы утвердить веру твою фактом рукотворчества во имя Мя. Исполни волю Мою: дай мочи ему в осуществлении оногo наказания, коим во исполнение Ковчег будет».

гора Синай, Иегова-Моисей

«Как будет русский дух здесь умерщвлен, и смешаны народы воедино, ты станешь флагом тех, кто разобитен, и возродится дух в сердцах единый».

Иегова-Ро-Гас Светозарный, мыс Айя, Земля Обетованная

Предисловие к изданию трилогии «Ковчег царя Айя» в издательстве «Амрита-Русь»

Впервые эта трилогия под названием «Ковчег завета» опубликована 12 лет назад в Севастополе. Она входила основной частью в историческую серию «Великое переселение», и нашла значительное число откликов в читательской среде. За последние годы накопилось достаточно много уточняющего материала, который помогает прояснить предъявленные в художественной форме сведения, которые хотя и кажутся на первый взгляд предположением, но, тем не менее, имеют под собой реальную историческую основу.

Дальнейшая разработка данной темы проявлена в целом ряде книг, которые опубликованы в последние годы. И, конечно же, меня, как автора, подмывало внести в текст «Ковчег царя Айя» определённые изменения. Но я этого не стал делать. Потому, что они соответствовали бы уровню знания, которыми я сейчас обладаю, но вместе с тем, не соответствовали бы духу книги и тем изначальным задачам, поставленным мною при её подготовке к выходу в свет.

По этой причине «Ковчег царя Айя» является в определённом смысле первоисточником, претерпевшим в последующем определённые коррективы. Но зерно, заложенное в него – осталось прежним. И оно уже проросло в других моих книгах.

Автор, 09.03.2017 г.

Предисловие

Возрождение Ковчега Завета

С волнением пишу эти строки. С волнением и надеждой на достойное завершение той истории, которая изложена в трилогии «Ковчег Завета», но которая имеет свою, отдаленную от книги, жизнь. Она еще не завершена, и замирает сердце от предчувствия грядущих перемен. Это понимаешь, когда вдруг проникаешься сутью тайн Ковчега Завета. Вот то, о чем я хотел рассказать в данной книге. Однако совершенно очевидно, что информация, которая лежит в основе повествования, лишь маленькая толика сокрытого в глубинах всемирной истории. Придет время, и я обязательно вернусь к теме «Ковчега...», чтобы вновь заиграли светом грани непознанного.

Сейчас же мне хотелось бы сказать несколько слов о Ро-Гасе, который сыграл определенную роль в судьбе многих народов. Я уже неоднократно упоминал о нем в своих романах, начиная с «Предтечи», и вот вновь возвращаюсь к этой судьбоносной личности. Не иначе как сам Промысел Божий руководил действиями Ро-Гаса, наделяя его поистине всепроникающей и всесокрушающей мощью вершителя. Но сейчас настал час открыть одну из его сокровенных тайн, связанную с самим фактом появления Ковчега Завета. У читателя будет возможность узнать и о том, каким невероятным образом жизнь вождя оросов связана с сегодняшним днем. Нельзя не поразиться необыкновенной значимости для человечества того, что было Ро-Гасом исполнено 3,5 тысячи лет назад.

Путь Ковчега от момента его сотворения до наших дней описан мною достаточно подробно, и читатель, следуя ему, конечно же, обратит внимание на еще один небезынтересный факт: на протяжении длительного времени хранителями Ковчега оказывались люди, родословная которых так или иначе связана с теми, кто создавал Ковчег, вкладывая в него всю душу, все силы, все свои чистые помыслы, и, наверное, это более чем справедливо.

Учитывая, что многие события, запечатленные в трилогии «Ковчег Завета», разворачиваются на мысе Айя в Крыму, я не могу не сказать несколько слов об этом сакральном месте. А именно употребить в его отношении то имя, которое ему даровано исстари – и звучит ни много, ни мало как «Земля обетованная». Да-да, именно так. Отсюда и та естественная ассоциация, связанная с исходом евреев, ведомых Моисеем из Египта. И, конечно же, с «Ковчегом Завета», который они несли с собой... Но главное, читатель узнает, что за этим кроется. Может быть, тогда и наша история увидится в ином свете.

В заключение я приведу уже привычные для многих предисловий моих книг слова:

«Крым открывает нам свои тайны. И пусть они послужат во благо каждому из нас. Ибо познавший их станет, и в это хочется верить, не только мудрее, но и чище в своих поступках и помыслах.

Да хранит вас Господь!»

Автор

Книга I. Покаяние Кудеяра

Часть I Князь Глинский

Глава I

Отец Петр

1

Начало весны 1601 года выдалось в Киеве холодным, с колючими северными ветрами и противным мокрым снегом. Казалось, март отдает людям залежалые остатки зимы, которая побаловала и теплыми деньками, и солнышком. Так иногда бывает – вслед за мягким февралем приходит неласковый март.

Днепр вздулся, посерел, но лед еще сковывал его берега. Монахи приютившегося рядом небольшого монастыря с опаской ожидали момента, когда здоровенные крыги начнут отламываться и, мешая друг другу, двинутся вниз по течению. Картина, конечно, открывалась величественная, но ее следовало наблюдать с высокого берега, а не оказаться случайно среди дрейфующих ледяных торосов. Иногда случалось и такое.

А тут еще и снег пошел. Да такой сильный, что в трех шагах ничего не было видно. Только вышел за монастырскую ограду – и все, назад дорогу можно и не найти. Снег валил почти сутки и укрыл толстым ковром все пути-дорожки. И надо же такому было случиться, что молодой послушник, только-только прибывший в монастырь из Киева, вздумал сходить на Днепр за водой и пропал. Пойди теперь разберись – где его искать. Снег надежно скрыл следы незадачливого водоноса и продолжал неудержимо падать, разделяя людей, города и села.

К настоятелю монастыря, отцу Петру, прибежали взволнованные монахи и стали наперебой рассказывать о досадном происшествии. Настоятель сразу же понял, в чем дело, и отправил самых опытных людей на Днепр. Но вскорости они вернулись ни с чем. Теперь уже и отец Петр отправился искать послушника вместе с другими монахами. Долго кричали, жгли факелы, обследовали все тропинки – нет нигде водоноса. А тут еще и ветер злой налетел...

Послушника все же нашли – замерзшего, перепуганного до смерти, но живого. Привели в обитель и, растопив баньку, отправились туда с вениками выбивать из стылого тела остатки холода. Хорошо, что так удачно все закончилось. Сразу решили – раз благополучно завершились поиски, то послушник останется в их монастыре на долгие годы. Даже старец Гермоген, обычно суровый и замкнутый человек, развеселился и пожелал спасенному «многая лета».

А на следующий день тяжело заболел отец Петр, высокая температура приковала его к лежанке, а громкий, изнуряющий кашель выворачивал все его нутро наизнанку. Ясно было, что настоятель простудился во время поисков. Но монахов удивило и даже насторожило вовсе не это. Отец Петр, которому было около шестидесяти, всегда отличался завидным здоровьем и крепостью духа. Никто не помнит, чтобы он вообще когда-нибудь хворал. Но, очевидно, сбой мог дать даже и такой крепкий организм.

Монахи сразу же принялись варить снадобья, могущие облегчить состояние настоятеля. Конечно же, молились за его здоровье все и помногу. На третий день отец Петр уже встал и с обычной своей живостью стал управляться по хозяйству. Но первая же служба далась ему с трудом – кашель сжимал горло, не давая произносить слова и петь. Тогда подумалось: пройдет еще день, другой, и кашель тоже отступит.

2

– Старче, старче! – над головой раздался чей-то взволнованный голос.

Гермоген открыл глаза и при слабом свете лампы различил неясные тени людей, проникших в его келью. Обычно сюда никто без позволения заходить не мог, и внезапный визит монахов старца весьма удивил.

– Что... Что случилось? – прохрипел Гермоген и, кряхтя, опустил ноги на холодный пол. Он постарался сесть, и кто-то из монахов участливо помог старцу, поддерживая его иссохшее тело.

– Отче! – воскликнул один из монахов, в котором Гермоген признал алтарника, – вас призывает к себе отец Петр. Он... Он... – алтарник запнулся. И ему помог кто-то стоящий у самой двери:

– Совсем худо стало нашему отцу. Зовет к себе.

Теперь старец осознал причину ночного вторжения в его келью непрошенных гостей и коротко сказал:

– Сейчас буду, а покудова идите к нему...

– Скорее! – снова отозвался алтарник, – он... он хочет собороваться.

Гермоген дернул головой, и правая рука его затряслась.

– Идите же! Я сейчас буду.

Он все сразу понял. Еще накануне отец Петр подступил к нему с просьбой: «Коли станет худо мне, поспеши, старче, не мешкая, дабы успел я исповедаться...» Гермоген молча поклонился настоятелю, подумав при этом о слабости его здоровья и напрасности извечных хлопотаний на холодном воздухе. Ему бы отлежаться... Но разве отец Петр послушается! Он же и мгновения не высидит на одном месте. До чего же непоседливая, живая у него натура!

Быстро одевшись, старец Гермоген заспешил в келью настоятеля. Там уже горели свечи и факел, специально принесенный кем-то из монахов. Отец Петр лежал на лавке с закрытыми глазами и, казалось, будто он просто спит. Но заострившиеся черты лица и бледность выказывали в нем явно болезненное состояние.

– Отче! – позвал Гермоген.

И настоятель тут же «отозвался», дернув веками и попытавшись произнести какое-то слово. Но вялые губы не слушались этого, недавно такого сильного человека, воспроизводя лишь едва уловимые, непонятные постороннему звуки.

Гермоген с горечью застонал сам, явно сочувствуя отцу Петру. Так все неожиданно оброчивалось! Не мешкая больше ни секунды, он приступил к обряду соборования, призвал в помощники верного ему алтарника. Старец попросил унести из кельи факел, так как света было достаточно. Он затянул было молитву, но в это мгновение настоятель зашевелился и довольно громко позвал:

– Старче! Скорее, здесь ли ты?

– Да, отче, – быстро отозвался Гермоген, – здесь я.

– Поди сюда, – попросил болящий.

И старец послушно подошел к настоятелю и, кряхтя, опустился на колени перед его лежанкой. Теперь голова Гермогена находилась рядом с головой отца Петра, и он отчетливо слышал, как вместе с дыханием из груди настоятеля доносятся глухие, раскатистые хрипы.

– Я буду исповедоваться... – уже тихо сказал отец Петр, – ты меня... – не договорив, он громко закашлялся и клокотание в груди усилилось десятикратно... – ты уж меня не оставляй... до конца, – с трудом выдавил он из себя.

Гермоген оглянулся на алтарника и кивнул ему: «Выйди». И монах тут же покинул келью настоятеля.

3

Вот уже и небо посерело. Где-то на востоке появились едва заметные сполохи, и следом из-за туч проклюнулся первый солнечный луч. День обещал быть ясным, солнечным, и снег, словно чувствуя это, стал отливаться белизной необыкновенной силы. На него даже больно было смотреть. А вот уже и солнечный диск выплыл из-за горизонта, и снег заискрился, заиграл, радуясь пронзительной хрупкости утреннего часа.

Монахи сгрудились в сенцах, молясь за своего настоятеля, к которому за долгие годы прониклись необыкновенным уважением и любовью. В самом деле, отец Петр был человеком редким. Яркой, можно сказать, «сочной» личностью. Таких встретишь нечасто. И каждый из них радовался, что судьба уготовила служить в монастыре, где такой настоятель. Сколько раз сюда, в монастырь, приезжали монахи из Киево-Печерской лавры, уговаривая отца Петра перебраться к ним. Но каждый раз тот отказывал под благовидным предлогом. К радости одних и к великому огорчению других. И кто мог подумать, что отец Петр, которому, казалось бы, и сносу не будет, вот так возьмет и сляжет? Да как крепко-то сляжет!

Наконец, из кельи настоятеля тихонько вышел старец Гермоген. За те несколько часов, что провел у постели больного, он осунулся, и создалось впечатление – даже горбиться стал! Пройдя молча мимо монахов, он заспешил на свежий воздух, где, сделав несколько глубоких вздохов, немного успокоился и взял себя в руки. То, что он услышал на исповеди, глубоко взволновало его старое сердце. Такое открылось! Но тайна исповеди – есть тайна исповеди. Все, что было говорено, должно остаться «внутри» старца, ни единый человек никогда не прознает о прошлом отца Петра. Гермоген хотел идти к себе, но передумал и круто развернулся к стоящим позади него монахам.

Снег скрипнул, и этот звук больно полоснул по сердцу каждого, кто с нетерпением ожидал от старца слова.

– Братья! – почти выкрикнул тот, – наш настоятель завещал схоронить его на мысе Айя.

Монахи зашумели, заволновались. Теперь для них стало ясно, что отец Петр не выкарабкается из цепких лап смерти, сжимающей его тело все крепче и крепче. Вдруг нашумевший ветер сыпнул с крыши снегом, запорошив голову старцу, отчего сделалось сразу холодно и неудобно.

– А где же такое место-то? – слышалось из толпы.

– Сказывал, что в Тавриде, то бишь в Крыму, – ответил Гермоген, – недалеко от Корсуни.

Братья удивились такому странному завещанию их настоятеля. Им никак не могло прийти в голову, что отец Петр возжелает быть похороненным в чужой стороне. И какая такая ниточка связывала его с далеким краем?

Между тем, Гермоген, струсив с головы пятерней остатки снега, поспешил в свою келью, на ходу бормоча только ему понятные слова. Солнце поднималось все выше и выше, растаплавая теплом своих лучей белоснежные поля. Неужели наконец-то в Киев пришла весна? Монахи так долго ждали этого часа, но сегодня, с его приходом, совсем другие чувства поселились в их душах...

Отец Петр прожил еще неделю. А умер утром – тихо и незаметно. К тому времени снега уже наполовину стаяли, и лед на Днепре покрылся талой водой. Ходить по нему еще можно было, но не везде и с большой осторожностью. Когда же монахи попытались вывезти умершего из монастыря, началась такая распутица, что каждый метр дороги давался с большим трудом.

Но и это еще бы ничего. К сожалению, бурное таяние снегов привело к такому половодью, преодолеть которое не было никакой возможности.

Проходило время, а братья не могли двигаться вперед, теряя дни и надежду хоть каким-то образом выбраться в Крым. Наконец, и Днепр «тронулся», с грохотом и скрежетом разрезая лед на доли и частицы. Все не к месту!

Пришлось братьям, несолоно хлебавши, возвращаться в родную обитель. Не пустила их непогода в Крым, не дождался мыс Айя того, кто хотел найти свой последний приют в далекой земле.

Братья долго судачили по поводу этих совпадений, но разумного ответа так и не нашли. В конце концов, схоронили отца Петра здесь же, в монастыре. А старец Гермоген надолго закрылся в своей келье, не подпуская к себе никого. Он сидел молча перед иконами и «переваривал» в голове все, что услышал из уст настоятеля. «Такая судьба, такая судьба...» – время от времени шептал он вслух и крестился. Да, не принял отца мыс Айя, не принял... Звал, звал к себе, и вдруг – как отрезало.

Руданский

4

Кирилл Руданский отрешенно уставился на циферблат будильника и следил за медленным, практически незаметным движением минутной стрелки. Однажды ему даже показалось, что время остановилось и стрелки замерли в нерешительности. Но часы по-прежнему тикали, а значит, и секунды по-прежнему бежали друг за дружкой, не замедляясь и не ускоряясь...

Как долго он просидел на кухне в этот зимний день «наедине с будильником», Кирилл сказать не мог. Да и не все ли равно? Сейчас время абсолютно его не волновало. Он с силой потер сухими ладонями виски, стараясь сосредоточиться и прийти в себя. Тут же почувствовал колючую щетину на давно небритом лице. И криво улыбнулся. Осталось лишь одно – откупорить бутылку водки и, налив в рюмку, пить молча в одиночестве крупными глотками, не закусывая и не чувствуя опьянения. Безысходность. Наступила безысходность. Как-то так подкралась из-за угла и застала его, Руданского, врасплох.

Вначале он перешел на полставки, так как теперь не мог целиком сосредоточиться на работе, и на него начали посматривать косо не только начальство, но и коллеги. Естественно, денег стало гораздо меньше. Вскоре начались семейные скандалы. Тома, его жена, долго терпела Кириллову хандру, а затем сказала: «Или семья, или...» Ну, да, и так все потекло. Но Кирилл «должных» выводов не сделал. Вскоре он вообще бросил работу и стал перебиваться случайными заработками. Все думалось: «Вот закончится месяц, и все пойдет по-новому». Но проходил один, второй, третий... И Томка ушла жить к маме, оставив Кирилла одного в пустой квартире.

А насчет водки он погорячился. Конечно, пару раз Руданский срывался, но на то были уважительные причины. И это, во-первых. А во-вторых, он один пить не мог. Просто не мог и все. Такая вот карусель. Так что эпизод с «крупными глотками» вроде как и отменяется. Кирилл встал из-за кухонного стола и, подойдя к плите, чиркнул спичкой и включил ближайшую горелку. Синий огонек лизнул воздух и заурчал, как довольный кот. Руданский поставил на конфорку чайник и подошел к окну.

Странно все-таки складывается жизнь, особенно в последнее время. Где и когда он переступил ту черту, что отделила его от нормы. Может быть, на мысе Айя? Или в Балаклаве, когда он в одном из старых подземелий нашел древние манускрипты? Быть может, все началось с встречи с Лешей Швецовым, который рассказал о тайнах Крыма? Или, или...

Чайник закипел, и Руданский, повернув ручку горелки, затушил веселый огонек. Так, кипяток готов. Теперь надо побриться и вообще привести себя в порядок. А то совсем раскис. Его взгляд невольно упал на тикающий будильник, и Кирилл повернул циферблат к стене – пусть «общается» с обоями и не нагоняет тоску.

Как, однако, все в жизни зыбко и неуверенно. Однажды, совершенно случайно, он, журналист Руданский, познакомился со Швецовым и вскоре подружился с этим необыкновенным человеком. Буквально «прикипел» сердцем к нему. Но случилось несчастье – Алексей утонул в море на глазах Руданского в прибрежной полосе близ мыса Феолент. Собственно, «утонул» – словечко, явно неподходящее к тому, что случилось со Швецовым: тот прыгнул в море из ялика, надеясь спасти выпавшую из рук древнюю глиняную табличку. И все – пропал. Что случилось с ним под водой – неизвестно. И эта неизвестность будоражила фантазию, заставляя строить разные, самые замысловатые предположения.

5

И Руданский решил заняться поисками Швецова. Благо, тайны, в которые Алексей посвятил своего друга заблаговременно, позволяли надеяться на удачу. Хотя и призрачные были шансы, но они были, и это главное. Надо знать место, где прыгнул в море Швецов – это центр Глаза Гора – древней и пока непознанной людьми духовной системы. Этот Глаз «работал», концентрируя всю свою силу в том самом центре, где утонул Алексей. Зная о сути и предназначении данного «духовного механизма», можно было попытаться отыскать следы Швецова и даже, что выглядело совсем неправдоподобно, попробовать его спасти.

В конце концов, Кирилловы поиски привели его на мыс Айя, который занимал в системе Глаза очень важное место. Вышел сюда Руданский случайно, руководствуясь больше порывом, чем рассудком. Интуиция его не подвела. Здесь он узнал о существовании некоего коридора, через который можно проникнуть внутрь системы Глаза. Скажи кому-нибудь о таком открытии – ни за что бы не поверили. Это в лучшем случае. И Руданский вынужден был помалкивать об увиденном им однажды. Тем более что сначала журналист толком и не понял всей грандиозности сокрытого здесь. Лишь постепенно...

Да, на мыс Айя ему пришлось ходить много раз, шаг за шагом постигая проступающие из глубины веков тайны. И лишь гораздо позже он убедился в собственной наивности первых шагов и первых порывов души. Как же мало он тогда знал! А сейчас? Разве сейчас, когда ему открыто многое, он может сказать, что познал тайны Айя? Конечно, нет. В том-то и дело.

Однажды Руданский повстречал там некоего человека, назвавшегося Сашей Коридзе. Странная встреча перевернула всю последующую жизнь журналиста, сделав его одержимым совершенно фантастическими идеями. Во-первых, Саша Коридзе показался Руданскому человеком не от мира сего. В прямом значении этого определения. Во-вторых, Кирилл сам стал новилем «не от мира сего». И это его очень беспокоило. Стоило бы прервать связь с мысом Айя, перестать сюда ходить. Но он не в силах был противиться разуму. Безвольно, как кролик, забирался в пасть к удаву, повинувшись действию его гипнотических глаз, так и Руданский в очередной раз шел на Айя не в силах противиться его смертельному влечению. Причем в последнем не было ни малейшего преувеличения. Понял он это лишь, когда поздно было что-либо менять. Поезд ушел, захватив с собой Руданского. И имя этому поезду – время. Время, которое пишется с большой буквы.

Однажды Коридзе провел Кирилла по тому самому «временному коридору», дав возможность прикоснуться в прямом и переносном смысле к тайнам древних храмов мыса Айя. О! Разве такое можно забыть? Кому из смертных довелось так близко сталкиваться с неведомым, испытывая на себе невероятную силу, способную тебя раздавить, как букашку, даже не заметив этого. Кому... Странно, что Руданский после всего еще и жив остался. Хотя жизнь в ее обычном смысле и потеряла для него всякий смысл.

Он все больше стал удаляться от привычных забот, все чаще замыкался, уходил в себя. Не раз задавался вопросом: Почему так? «Коридзе и Швецов были хорошими друзьями. Но Саша первым «ушел» в Глаз, обосновавшись на мысе Айя. Затем Швецов, оставшись один, познакомился с Руданским и «утонул» в центре Глаза. Теперь и сам Кирилл пришел на Айя, узнал его тайны, невольно став «частью» этого святого места. Может быть, Алексей, Саша и он, Кирилл, выбраны для того, чтобы вместе выполнить одну какую-то чрезвычайно важную миссию? Но какую? Швецова он не нашел. Коридзе уклоняется от подобных расспросов. А сам Руданский? Способен ли он самостоятельно потянуть эту «телегу», если она увязла в пыли истории по самые оси колес?».

6

Параллельно с походами на мыс Айя Руданский стал навещать и в Балаклаву. И совершенно неожиданно (хотя разве можно в подобной ситуации вести речь о слепом случае?) в одном старом доме наткнулся на подземелья, в которых хранятся древнейшие манускрипты. С величайшим трудом Кирилл смог добыть три свитка из этой «библиотеки», понимая, какую ценность он приобрел. Но расшифровать и прочесть ему удалось только один свиток. Причем помог ему все тот же Коридзе, приведший журналиста в храм Святого Духа и оставивший там в одиночестве. В момент величайшего духовного озарения Кириллу открылся смысл одного свитка, и он сумел узнать одну из главных тайн Глаза.

Уже дома, вернувшись из похода на мыс Айя, Руданский самым тщательным образом изучил данный свиток, сверяя каждый знак-буквицу с теми духовными видениями, которые давались ему на самом мысе. Как удивительно точно символ соответствовал сути увиденного! Только сейчас он уяснил для себя принцип «работы» Глаза и его предназначение. Как же точно, удачно он выхватил из сотни (а может быть, и не одной!) свитков Балаклавского хранилища тот самый, который вел к разгадке тайны Глаза!

Но... в голове Кирилла «побежали мысли»... Но! Разве так бывает, чтобы он по случайности взял нужный элемент в одном месте и по той же случайности оказался с ним в другом, где можно было расшифровать однажды взятое? Может, им, Кириллом, кто-то умело управляет на духовном плане, а он на «физическом» выполняет работу, которая как-то связана с миссией «Коридзе – Швецов – Руданский»? Ну нет, это полный бред. Такого в природе быть просто не может.

Но как же поступить с остальными манускриптами? Два свитка, еще не «прочитанных», Кирилл хранил у себя дома. Остальные лежали все в том же Балаклавском хранилище. Как прочесть их? Журналист полностью посвятил себя расшифровке манускриптов. Он проводил над ними дни и ночи, рылся в архивах и библиотеках, знакомился со всеми публикациями, касающихся этой темы, но ни на шаг не продвинулся вперед.

Работа над свитками «съедала» все свободное время. В конце концов, он вынужден был перейти на полставки. А затем и вовсе рассчитаться из редакции, лишь время от времени подрабатывая внештатником. Деньги закончились, жена Тома ушла, и все изыскания привели Кирилла в тупик. Он сник, перестал за собой следить, часто впадал в депрессию. В единоборстве с древними свитками он оказался проигравшей стороной. Увы...

Но выход был. И даже не один. Можно было дожидаться часа, подобного тому, как уже однажды на мысе Айя он сумел увидеть и понять суть первого свитка. Такой день имелся – 3 мая, и час ему был известен – 3 часа утра. Да и место он хорошо знал – не приметная поляна на мысе Айя, откуда открывался «коридор времени», через который можно попасть в храм Святого Духа. Но до 3 мая еще надо дожить! К тому же совершенно неизвестно, повезет ли ему, как в прошлый раз, или он, подобно Коридзе, «застрянет» на веки вечные на мысе Айя?

Был и второй выход. Вновь поехать в Балаклаву, найти Николая, хозяина домика, под которым в подземельях спрятаны остальные манускрипты, и уговорить того вновь пустить

Руданского в заветное хранилище древних свитков. Набрать их побольше и уже на значительно большем «материале» постараться расшифровать древние письма. И вообще, может быть, какой-то из свитков окажется более прост, и его удастся прочесть, опираясь на те тайные знания, которыми Кирилл уже владел?

Руданский дважды ездил в Балаклаву, и оба раза Николая застать дома не получалось. Он даже записку оставил со своим номером телефона, дабы хозяин домика смог ему позвонить. Но Николай так и не объявился. Опять возникла тупиковая ситуация...

Исповедь отца Петра

7

Только через два дня старец Гермоген, пошатываясь и придерживаясь рукой за косяк двери, вышел из своей кельи. Все это время он неусыпно молился перед иконой Богородицы за спасение души почившего настоятеля. Время от времени старец забывался, и тогда в его голове всплывали детали той незабвенной ночи, которую он провел у смертного одра отца Петра. Так еще никто и никогда ему не исповедовался! Никто прежде, да и маловероятно с подобным было встретиться кому-то в будущем. И не только из-за старческих лет самого Гермогена, но и вследствие яркости личности и совершенной неповторимости судьбы и поступков исповедовавшегося.

Монахи проводили Гермогена в трапезную и накормили старого человека досыта. Поев и отдышавшись, тот возжелал пойти в келью бывшего настоятеля, дабы побыть там в одиночестве. Естественно, никто из братии чинить препятствия старцу не стал.

Уединившись в келье, Гермоген возжег трескучую свечу и установил ее перед иконостасом, устроенным отцом Петром. Усевшись рядом на лавку, закрытую сверху домотканой рядниной, закрыл глаза и стал вспоминать.

– ... Я из рода Глинских, – такими словами начал свою исповедь настоятель, – есть такой род на Руси.

Старец Гермоген только слушал. Упоминание о Глинских не всколыхнуло в нем никаких воспоминаний. Что-то когда-то он слышал о таких, но давно, очень давно. Были из этого рода люди, и сейчас, возможно, есть, разве всех упомнишь? Да и не приличествует ему, старцу, ворошить воспоминаниями мирскую суетную жизнь.

– Помнишь, брате, – обратился к нему отец Петр, – Москву однажды сожгли, когда Иоанн Грозный стал царствовать?

Гермоген только плечами повел. Москва горела, и не раз. А до царя ему мало дела было. От Киева до стольной далеко. Слишком далеко.

– Еще сказывали, – продолжал настоятель, – что Глинские Москву сожгли. Помнишь? Крепко тогда нам досталось. Побили род наш крепко...

Гермоген утвердительно кивнул. Теперь он стал припоминать, откуда узнал о Глинских. Кажется, действительно в связи с пожаром в Москве. Но как давно это было!

– И ты, отче, – вставил он слово, – жег стольный град?

– Ишь, что удумал, – в голосе настоятеля послышались нотки недовольства, – жег... Мне тогда только третий год миновал. Какое там жег!

Отец Петр замолчал и, закрыв глаза, долго лежал, не шевелясь, словно уснул. Но стоило Гермогену завозиться, как он тут же, словно отозвавшись на шорохи, подал голос.

– Глинские вообще Москву не жгли. Это был поклев на наш род. Лишь бы опорочить в глазах Государя его верных помощников.

– Зачем же понадобилось, – наивно поинтересовался Гермоген, – ваш род порочить перед самим Иваном Грозным? Какое ему дело до вас? Или какая угроза исходила царю от Глинских? Да еще такой ценой – Москву сжигать...

– Гу-у, – глухо простонал отец Петр, – ничего-то ты, брат, не знаешь. Ладно...

Он снова закрыл глаза и, помолчав, продолжил свой рассказ.

– Вот, к слову, старче Гермогене, скажи мне, помнишь ли ты своих родителей?

– Да, помню, – утвердительно кивнул головой старец.

– А из каких они родов, помнишь?

– Помню, как же не помнить.

– Вот и Иван Васильевич, когда вставал на престол, крепко помнил, из какого он роду. Своего отца, предыдущего Государя, он не знал. Василий III отдал Богу душу, когда Иван был еще в младенчестве. А вот матушку свою – царицу Елену знал хорошо. Почитай, она и правила Русью после смерти царя Василия. Жаль, рано ушла вослед за Василием III. Только не по своей воле покинула она мир сей. Были такие, что постарались... Да Бог им судья.

8

На какое-то время отец Петр вновь замолчал. Тогда старец Гермоген, воспользовавшись паузой, поменял догоравшие свечи, поправил покрывало на лежанке умирающего и снова сел на лавку. Тут же, словно очнувшись, настоятель громко сказал:

– Царица Елена была из рода Глинских...

И уже тише продолжил:

– Так что Государь носил в себе кровь Рюриковичей и Глинских. Теперь понятно тебе?

– Да, – коротко подтвердил Гермоген, – ты, отче, только не взыщи, что я не осведомлен в делах таких... Далек я от царского двора был.

– И слава Богу! – невольно вырвалось у настоятеля, – лучше бы и я оказался подальше от трона. Да кто же знал, как оно обернется дальше...

Трехлетним мальцом я стоял на крыльце и во все глаза смотрел, как яркими вспышками отдает то слева, то справа. Затем загорелось совсем рядом. Стало страшно, и я заплакал. Огонь меня завораживал, и я не мог оторвать глаз от этого ужасного зрелища. Потом по улице побежали люди. Много, много людей. Они кричали и стучали в наши ворота, а я все стоял, не в силах сделать хотя бы один шаг.

Вдруг чья-то рука ухватила меня сзади и поволокла в дом. Я закричал... Потом было страшное подземелье. Мы шли все дальше и дальше. Кто-то впереди с факелом, а следом я с бабкой Анной. Вот и все. Спаслись мы втроем. Больше я никогда своих родителей не видел. Даже не помню их лиц. Для меня бабка Анна стала и отцом, и матерью.

Вскоре мы вернулись в родное подворье. Государь наказал всех, кто громил наши дворы. Но принужден был и Глинских, тех, кто остался в живых, удалить подальше. Нам на смену пришли новые фавориты. Да, на Руси тогда наступали другие времена.

9

– Вот какого ты роду-то! – наконец воскликнул Гермоген, – не знал, не ведал я... Что же, в монастыре вынужден был ты схорониться от своих недругов? Да, да, понимаю. Опала – она сродни пожару. Сжигает и душу, и сердце.

– Эх, старче, – снова вздохнул настоятель, – кабы так сталося, как ты сейчас сказал мне. Кабы так... После того пожара кто из Глинских выжил, хоть и были удалены подальше от царя, но жили не хуже других. Я вспоминаю свое детство... Ох, и бедовым малым слыл! Вокруг себя такие ватаги собирал, что москвичи стали побаиваться, как бы не поджег я столицу-то снова.

– А ты-то что?

– А я... Зачем мне жечь Москву? Не басурман же я какой. Да и не водилась во мне жестокость к людям. Строг, справедлив бывал – не спорю. Случалось, наказывал своих однолеток, коли заслуживали того. Но и защищал их от лихих людей. Всяко случалось.

– Скажи, отче, а как величали-то тебя в годы твоей юности? – спросил Гермоген.

– Так смотря кто... – неопределенно ответил настоятель, – самые близкие мои друзья называли Косьмой. А так, для чужих людей, был я князем Косьмой Алексеевичем. Некоторые звали за глаза «лихим князем». А бабка моя Анна ласково кликала «кудеярчиком».

– Куде... кудеярчик – значит «озорник», – уточнил Гермоген.

– Да, подтвердил отец Петр, – озорник или шутник. Она очень любила меня и прощала все мои шалости. Знаешь, брате, я ее тоже очень любил и уважал. Сколько в жизни пришлось моей бабке страдать, а к людям она всегда добра была, незлоблива. Не огрубело ее сердце. Хотя почему-то считалось, что все Глинские отличаются буйным и неукротимым нравом, способны на любой поступок. Поверь мне, это не так.

– Да я что, я верю, – старец утвердительно кивнул головой, – люди-то нередко напраслину возводят. Особенно на тех, кого можно безбоязненно обидеть.

– Обидеть? Нет, в обиду я себя не давал, – снова заговорил настоятель, – я всегда считал справедливость главной обязанностью князя по отношению к себе равным, не говоря о челяди.

– О! – воскликнул Гермоген, – с таким уставом в сердце на Руси долго не протянешь.

– Так молодой был... – спокойно сказал отец Петр, – силушку да удаль девать было некуда. Весело жил! Но моя бабка-то рассудила, как ты сейчас: «Своим характером долго в Москве не усидишь. А шутки, они закончатся скоро и плохо для тебя».

А я смеялся.

Отец Петр закрыл глаза и долго лежал молча. Свечки тихонько потрескивали, а за окном стояла тяжелая зимняя ночь. Небо прояснилось, обнажив холодное мерцание далеких и близких звезд. И лишь изредка в сосняке шумно сваливалась на тропу белая пушистая шапка снега, и снова наступала тишина. Гермоген совсем было подумал, что настоятель уснул, но тот снова открыл глаза и как ни в чем не бывало продолжил:

– Однажды бабка подзывает меня к себе и тихо на ухо говорит: «Я сейчас к царю пойду». Удивился я и уставился на нее во все глаза. А она мне: «За тебя, озорника нерадивого, словечко замолвить».

– Ишь ты! – удивился Гермоген, – неужели так и сказала: «К царю пойду».

– Так и сказала, – подтвердил настоятель, – она ведь еще в детские годы Иоанна Васильевича дружна с ним была. Хоть и старше по годам. Очень красивой Анну-то в молодые годы считали. И будущий Государь питал к ней нежные чувства. Хотя, как говорила мне бабка, между ними ничего не было и быть не могло. Я верю ее словам.

А когда после пожара в Москве Глинских побили, то Государь рад был, что Анна спаслась. Это бабка мне гораздо позже, по большому секрету, рассказывала.

Глава II

Бетон

1

Руданский побрился и, как мог, привел себя в порядок. «Так – подумал он, – внешний вид обеспечен, можно двигаться». Вытащил из кармана деньги и сосчитал их – для поездки в

Балаклаву и обратно хватало. На всякий случай сунул в карман редакционное удостоверение, хотя на кой оно ему...

Через час Кирилл уже подходил к знакомому домику на улице Солнечной, где жил Николай. Подойдя к окрашенной синей краской деревянной калитке, он остановился и какое-то время прислушивался, словно пытался по отдельным звукам понять, дома ли хозяин. Где-то залаяла собака, и Руданский, поддаваясь природному порыву, громко закричал:

– Николай!

На его удивление, дверь на веранде в тот же миг открылась, и на пороге появился сам хозяин. Глянув на журналиста, он строго спросил:

– Кто там?

– Да это же я, – обрадовано отозвался Кирилл и улыбнулся, – не узнаешь?

– Разные люди ходят, – проворчал Николай, – разве всех упомнишь.

– Кирилл я, Руданский... Помнишь? Из газеты...

Николай подошел к калитке и только сейчас узнал Руданского.

– А... это ты..., – сказал он без энтузиазма в голосе, – а я думаю, кто здесь шляется без дела.

– Я, я, – подтвердил Кирилл, – открывай же. Сколько раз приходил к тебе, но не заставал дома.

– Да? – удивился хозяин, – очень странно.

Николай на мгновение замаялся, а потом решительно отодвинул железную щеколду калитки.

– Ладно, заходи, раз пришел.

Руданского последние слова «кольнули» в сердце. Как-то грубовато говорит с ним Николай. Хотя последний раз они расставались по-дружески. Может, у хозяина какие-то неприятности и он невольно «перенес» свое настроение на внеурочный визит журналиста? Надо бы его слегка развеселить...

– Николай, я так рад тебя видеть! – выпалил Кирилл, – сколько раз вспоминал о тебе.

– И чем я обязан такому пристальному вниманию к моей скромной особе? – в уголках его губ мелькнула улыбка. Но она больше походила на иронию. Руданский сделал вид, что ничего не заметил, и продолжил:

– Сколько раз я вспоминал, как мы в твоём сарае из старого велосипеда устроили подобие лебедки. И ты спустил меня в подземелье...

– Ах, вот ты о чём..., – в глазах Николая появилась тоска, словно эта тема ему изрядно наскучила, – ты бы, Кирилл, лучше помалкивал о том велосипеде. Так спокойней будет и для тебя, и для меня.

Руданский удивленно поднял брови. Явно в поведении хозяина случилась какая-то недобрая перемена. Может, он болен?

– Николай, ты не болен?

– Да нет, с чего болеть.

– Так, наверное, я не во время пришел?

– Точно. Не во время, – согласился Николай.

– Может, в другой раз приду? – Кирилл сделал шаг назад по направлению к калитке.

– Нет, – остановил его Николай, – погоди чуток. Я тебе несколько слов скажу, а уж потом ты уйдешь. Но ко мне больше не стучись. Забудь дорогу к Николаю.

Кирилла такой поворот дела явно озадачил, и он не знал, как себя вести, чем «ублажить» негостеприимного хозяина.

2

Николай повертел во все стороны головой, убеждаясь, что никто не наблюдает за его беседой с журналистом, и предложил:

– Ладно, пошли на веранду, там потолкуем.

Руданский, которому в последнее время и так была жизнь не в радость, послушно поплелся на веранду вслед за Николаем. Как разительно отличалась эта встреча от той, когда хозяин радушно угощал его спелой черешней. А когда они под водочку душевно сидели? И никаких тебе недомолвок...

– Садись, – скомандовал Николай и указал Руданскому на единственный стул. Сам же подошел к окну и, глядя в него, спросил:

– Помнишь, Кирилл, как я рассказывал тебе о моем отце, впервые вскрывшем это подземелье?

– Помню... – удивленно подтвердил Руданский, – но при чем здесь твой отец? Сколько лет прошло... да и его ведь давно нет в живых.

– Его нет, это правда. А я есть.

Николай повернулся и в упор посмотрел на Кирилла.

– Теперь мне понятно, почему он с такой опаской относился к тому подвалу. Нас, детей, ни за что туда не допускал, да и сам, судя по всему, в него не спускался. А затем тщательно заложил люк и забросал его сверху землей. Над ним тогда многие посмеивались за это чудачество. Но теперь-то я вижу, как прав был он. Отец хотел уберечь себя и всю нашу семью от...

Николай запнулся, подыскивая подходящие слова, но не нашел ничего лучшего, чем выпалить:

– От смерти!

– От смерти?! – невольно вырвалось у Кирилла, – да что ты такое говоришь?

– Так и было.

– Откровенно говоря, я ничего не понимаю... – растерялся журналист.

– А и понимать здесь нечего! – громко сказал Николай и уже тихо, почти шепотом, закончил, – нечистое место-то, заговоренное. От него одни беды.

– Ты имеешь в виду подземелье? – уточнил Руданский, – или тайник, который я нашел?

– И то, и другое, – сказал Николай и воровато оглянулся, словно их разговор кто-то мог подслушать.

– Шутишь... – на всякий случай предположил Руданский.

– Да какие здесь шутки! – Николай сделал круглые глаза и грозно посмотрел на журналиста, – похож я на шутника? Ну скажи, похож?

Кирилл был вынужден отрицательно замотать головой, а то, неровен час, Николай еще набросится на него с кулаками.

– То-то, – уже миролюбиво продолжил хозяин дома, – и отец мой ни шутником, ни чудачком никогда не был. Скорее всего, он получил предостережение. А может быть, и не одно. Кто ж знает. Может быть, на него какое воздействие было оказано. Я тогда мальцом был, не понимал...

– Какое воздействие? О чем ты говоришь? – удивился Кирилл.

– Да такое...

Николай снова воровато оглянулся и перешел на шепот:

– Какое со мной случилось. Вот я сейчас расскажу...

Он открыл дверь в коридор и, войдя в него, вскоре появился с легким, сплетенным из лозы, стулом с ажурной спинкой. Поставив стул рядом с Руданским, сел напротив Кирилла и стал шепотом рассказывать.

3

– После того дня, как ты слазил в подземелье, начались у меня всякие злоключения. То одно, то другое. То все беды сразу свалятся. Словом, черная полоса в моей жизни началась.

– Черная? – Кирилл удивленно поднял брови.

В этот миг он подумал о себе и о «черной полосе» в собственной жизни. Она тоже связана с Николаевым подвалом. Точнее сказать – с тремя свитками, которые Руданский вынес из хранилища, устроенного в древнем тайнике подземелья. Но эта полоса связана не с самим фактом извлечения свитков из тайника, а с неумением их прочесть, расшифровать? Иными словами, как понимал Руданский, он получил «наказание свыше» за то, что не смог выполнить «возложенную на него задачу». У Николая же совсем другое – его попросту не допускали в подвал. И все.

– ...однажды, – продолжал хозяин дома, – я решил слазить в подземелье и посмотреть, что же ты там раскопал. Но я один, без посторонней помощи, попасть туда не могу. Сверху кто-то должен был крутить колеса нашей с тобой «лебедки». Но уже тогда я боялся посвящать посторонних в суть нашей с тобой тайны. Поэтому вынужден был действовать самостоятельно. Изготовил веревочную лестницу, намертво закрепил ее над люком и...

– Полез, – добавил за него Руданский.

– Нет, не полез. Уже вечер наступил. Темнеть стало. Решил до утра отложить это нечистое дело.

– Так уж – нечистое! – воскликнул журналист.

– Ты слушай меня и не перебивай.

Николай снова сделал «грозные» глаза, и в его голосе появилась угроза.

– И снится мне ночью сон... Даже не сон, а как сказать... Словом, вижу я огненное слово «НЕТ». Как запрет на что-то. Понятно?

– Не лезть в подземелье – догадался Кирилл.

Николай никак не отреагировал на замечание журналиста и продолжил:

– Ага... Просыпаюсь я и напрочь забываю о грозном предупреждении. Позавтракал здесь, на веранде. И пошел в сарай. За минуту, а может и меньше, спустился по веревочной лестнице туда, в подвал. А перед самым спуском еще и «переноску» туда опустил. Лампочка светится, все хорошо и никаких проблем. И вдруг...

Николай поднялся, и плетеный стульчик старчески заскрипел. Кирилл молча проследил за тем, как хозяин подошел к приоткрытой двери в коридор и плотно ее закрыл. Затем не спеша вернулся на старое место и снова уселся на плетеный стул.

– ...и вдруг у меня закружилась голова, и все поплыло, поплыло перед глазами. Я как стоял, так и сел на пол. Силы покинули меня. Руки сделались ватными, пот прошиб. И вижу я снова это огненное слово «НЕТ». Все сразу понял и, еле живой, полез по лестнице вверх. Вспомнились и сон, который накануне ночью был, и полоса неудач, уже тогда начавшая меня преследовать.

Выбрался из люка еле живым. Вытащил лестницу, лампу-переноску и лишь тогда спокойно вздохнул. Понятно, что второй раз лезть в подвал не было у меня никакого желания. Пошел вот сюда, на веранду, хотел попить горячего чайку. Да как зашел, так и упал. Во-от здесь...

Николай указал рукой на место падения. Выходило так, что Руданский сидел как раз на... Журналист невольно передвинул свой стул в сторону.

– Сиди, сиди, – успокоил его собеседник, – сейчас-то что... Пришел я тогда в себя, скорую вызвал, и увезли меня в больницу. Сердце. Полежал, оклемался и домой. А через несколько дней новый приступ, только теперь печень. Снова скорая увезла. Потом желудок

схватил, а через месяц снова сердце... Я несколько месяцев из больницы почти не вылезал. Однажды сестричка в приемном покое даже пошутила: «О! Вы у нас как прописались».

Ох, и костерил я тебя, Кирилл, мысленно! Такими словами, что вслух стыдно и произносить. Ведь считай, что из-за твоего любопытства мы вскрыли старое подземелье. Так ведь?

– Да, – согласился Руданский, – но ведь без меня вы туда решили полезть, уже по собственной воле.

– Так что же! – воскликнул Николай, – я не хозяин в собственном доме?

– Конечно, хозяин, – быстро согласился журналист.

– Ну, так вот. И я принял решение.

Николай встал со скрипучего стула и направился к выходной двери.

– Пошли за мной, – скомандовал он, – сейчас все увидишь сам.

Руданский быстро встал и молча последовал вслед за Николаем. Они направились к заветному сарайчику, в дальнем углу которого Кирилл раскопал когда-то лаз в подземелье.

– Смотри сам, – довольно сказал Николай.

Руданский подошел к знакомому месту и... обомлел. На месте вырытого им колодца красовалась бетонная плита.

Николай подошел сзади и шепнул:

– Возьми в углу ломик и с силой ударь по бетону.

Кирилл машинально выполнил просьбу. От удара бетон глухо и недовольно загудел, как бы подтверждая свое «хозяйское» здесь присутствие.

– Двадцать сантиметров толщина бетонного перекрытия, – послышался сзади голос Николая, – теперь никто – ни ты, ни я, ни моя соседка не смогут попасть в подземелье. Ты меня понял, Кирилл?

Руданский молча поставил ломик и также молча вышел из сарайчика. Прощаясь с Николаем, поинтересовался о его здоровье.

– Теперь все в порядке, – услышал он в ответ.

– Н-да... Ты меня извини, – сказал на прощание Кирилл, – кто ж знал, что оно так обернется.

Опричнина

4

Через несколько дней молодой князь Косьма Алексеевич должен был предстать перед самим Государем. Трудно было сказать, какие слова подбирала бабка Анна, убеждая Ивана Грозного взять в опричники юного Глинского. Даже представить невозможно, как она вообще попала в царские палаты, но факт остается фактом. И Косьма оказался «под крылом» государевым. Потекли веселые и грустные дни, похожие один на другой и не похожие один на другой.

Тогда же Иван Васильевич затеял настоящую реформу, дабы изменить многое в русском государстве. Требовались ему для государевых дел разные люди. Главное, чтобы верными они были. Но таких сыскать оказалось не так уж просто. У каждого свой корыстный интерес, свои заботы, свои жизненные взгляды. Это так. И люди, пока с царем было «по пути», действительно верно служили, но потом... Нередко оказывалось так, что человек с гнильцой был. И она, эта зараза, проявлялась в самый неподходящий момент.

Тогда уже самому Ивану Грозному приходилось справляться с нерадивцами. И ведь были, и немало, тайные и явные враги. Тут уж, как говорится, пощады от Государя ждать не приходилось. Если, конечно, они сами не успевали убежать подальше в соседние страны. Царь очень настороженно отнесся к просьбе своей сестры Анны. Конечно, люди, верные люди, были

нужны. Но где гарантия, что отпрыски Глинского рода, возмужав и заматерев, не проявят себя с неожиданной стороны?

Может быть, поэтому, а возможно, и по иной причине, Государь отправил молодого князя служить рядовым опричником. Дабы и себя проявил, каков он есть, и жизнь настоящую познал, и... Имел ли Иван Грозный тогда виды на князя Косьму, неизвестно, но испытать желал. И испытал.

Затеянная им реформа требовала механизма ее реализации. И этим механизмом стала придуманная им опричина со своим войском и полномочиями, равных которым никогда и ни у кого на Руси не было. Опричина стала той государственной машиной, что сломала былой уклад и насадила новый. Былая удельная, вотчинная раздробленность теперь сменялась единой централизацией, во главе которой стоял сильный царь. Под себя, под сильного человека мастерил Государь новую Россию. Таковую, какую он видел, как понимал суть и предназначение своей страны, открывая наперед ее историческую перспективу.

Но такая ломка устоев сложившегося веками «административного» деления, понятная лишь одному человеку, влекла за собой недовольство целых слоев общества, исторических областей России. И Ивану Грозному приходилось усмирять непокорных, доказывая свою правоту, прежде всего, силой.

5

Как сумасшедшие носились по стране отряды опричников, выполняя волю царскую. Где усмиряли недовольных, где переселяли на новые земли целые вотчины, а где и просто разбойничали. Ясно, что такая «смирительная» рубашка, которую Иван Грозный надел на Россию, не столько успокаивала верноподданных, столько стягивала на их шею веревку потуже. И гибли люди. Многие-многие. Кровь рекой текла то здесь, то там. Не надо забывать, что в это время Иван Грозный активно расширял границы государства, разгромив и присоединив к себе Казанское и Астраханское ханства, огромные территории Сибири. Так что спокойной жизнью, в которую с головой окунулся князь Косьма Алексеевич, конечно, не была.

Нередко с братьями-опричниками он носился по городам и весям с неизбежными атрибутами на седле – метлой и собачьей головой – знаками беды для непокорных Государю людей. Ведал ли тогда молодой князь, что творит зло, что не всегда сказанное Иваном Грозным требует буквального исполнения! Сейчас трудно об этом судить. Молодой Глинский искренне считал, что он царский слуга и обязан неукоснительно исполнять любое слово Государя. К тому же он взял обет ничем не посрамить свою фамилию перед очами царскими. И князь старался.

Но уже тогда многие замечали, что выделялся он среди других опричников двумя качествами – личной безудержной храбростью и, вместе с тем, человеческим отношением к пленным или даже приговоренным к смерти людям. Будто он, глубоко понимая необходимость выполнения царской воли, испытывает скорбь оттого, что должен был лично исполнять. А может быть, так князь Косьма Алексеевич пытался примириться с собственной совестью? Кто знает.

Однажды он отличился при взятии царскими войсками Новгорода, жители которого якобы смуту затеяли против Государя. Так ли было на самом деле, либо присланный царю донос явился лишь поводом для сведения счетов со всегда независимым и богатым Новгородом, сказать трудно. Но город и его жители пострадали очень сильно. По оценкам некоторых историков, было убито около 60 тысяч новгородцев.

Как именно отличился во взятии Новгорода молодой Глинский, неизвестно. Но сам Иван Грозный, который лично руководил кратковременной осадой города, заметил князя, и с той поры случилась у Косьмы Алексеевича в жизни большая перемена. Вернувшись в Москву, он был призван ко двору Государя, находящемуся тогда в Александровской слободке, что неда-

леко от Владимира. Призван был для того, дабы войти в число приближенных к царю опричников, составляющих его личную «гвардию».

С того времени князь Глинский и познакомился с жизнью Александровской слободки, узнал изнанку царской жизни и по возможности принял ее. Хотя, честно говоря, многие порядки в слободке показались Косме Алексеевичу дикими.

6

Что же представляла из себя Александровская слободка и почему Иван Грозный жил именно здесь, а не в стольной Москве? Через четыре года после смерти его первой, и как считается, единственно горячо любимой жены Анастасии Романовой Иван Грозный неожиданно покидает Москву и переселяется в... Как он говорил сам, ...место, куда укажет ему Господь. Почему-то им оказалась земля близ города Александрова. Считается, что такой добровольный уход из столицы был продуманным и хорошо спланированным шагом Ивана Грозного.

К тому времени он уже начал раскручивать весь опричный механизм, что привело к явному непониманию и скрытой оппозиции даже у ближайшего окружения. Вот царь и «обиделся» на свой народ, сослав самого себя в ссылку. Конечно, он понимал, что люди не будут долго жить без царя-батюшки и взмолятся Ивану Грозному с единственной просьбой – вернуться на трон.

В конце концов, так и случилось. Но теперь, имея на руках такой «неотразимый» козырь, как массовая поддержка народа, Государь мог безбоязненно расправляться с любыми своими противниками и проводить любые реформы, особенно не выбирая средства для их достижения.

А из Александровской слободки в Кремль он не вернулся. Здесь ему жилось вольготней, он мог быть откровеннее в своих поступках и желаниях. Сюда свозились неугодные и подвергались самым изощренным пыткам. Здесь царь проводил пиры. Здесь он буйствовал и страдал, унижая других, и унижался сам.

Князь Косма Алексеевич принял эту жизнь такой, какой она была, и стал ее участником. Хотя всегда старался находиться в тени, ничем не выдавая своего истинного отношения к происходящему. Буйный, взрывной характер Ивана Грозного заставлял всех его слуг, соратников и побратимов всегда быть начеку. Ибо в любую минуту ты из любимца можешь превратиться в очередную жертву для палача, коих в слободке всегда имелось в достатке.

Однажды князь Глинский познакомился со старшим сыном Ивана Грозного, Иваном. В ту пору – молодым, пылким юношей и отличавшимся, как и отец, крайне неуравновешенным характером. В отличие от Ивана Грозного сын не обладал должной силой духа и нередко подавлял свои страсти под демоническим взглядом Государя. Но жизнь, как известно, всегда берет свое. И молодой наследник однажды ослушался отца, который хоть и разрешал ему гулять с девками, но строжайшим образом запрещал доводить дело до рождения ребенка. Ведь речь в таком случае могла идти о вероятном (пусть и далеком) наследнике на царский трон. А разве ребенок, рожденный от простой девки, мог стать полноценным правителем России? Здесь уже заканчивалась любовь, и на первый план выходили государственные интересы.

Но так случилось, что одна из девок зачала от Ивана, и уже поздно было что-либо предпринимать. Пройдет несколько дней, и Государь узнает правду. Здесь, в узком кругу Александровской слободки, слухи быстро достигали нужных ушей. Царевича Ивана спас князь Косма Алексеевич. Он тайно вывез девку в дальний монастырь, где она благополучно разрешилась сыном. Иван Грозный так и не узнал, что у него появился внук. А Иван всегда был признателен своему родственнику за благородный и очень опасный поступок. Прознай Государь о деянии князя – разгневался бы невероятно. Вполне мог за ослушание лишить и головы. Но в тот раз все обошлось.

3 мая

7

С трудом Руданский дожид до заветного дня, когда ему можно было идти на мыс Айя. Все последние месяцы он отчаянно искал запасной выход из той ситуации, в которой оказался. После неудачной попытки договориться с Николаем он, по существу, был поставлен перед фактом: теперь, чтобы открыть тайну двух других свитков, требовалось идти через временной коридор и...

В прошлом году ему повезло, и он счастливо вернулся живым. Но не было никакой гарантии, что удача вновь улыбнется ему. Судя по всему, из той дыры можно было вырваться лишь случайно. Но и это еще не все. А где гарантия, что ему вообще кто-то поможет в расшифровке свитков? И что тогда: оставаться там навеки вечные? Либо попытаться вернуться обратно? А если вернуться, то как жить дальше, понимая, что ты обладаешь невероятными по силе и значению сокровенными тайнами и никогда (ясно, что никогда!) не сумеешь их открыть. В чем тогда смысл жизни, если он, Руданский, ради познания их отказался и от семьи, и от работы, и от многих человеческих радостей, доступных любому человеку. Вполне его можно было признать одержимым. Только эта одержимость находилась не внутри, а вне его. Что, впрочем, лишь усугубляло ситуацию, делая ее еще более запутанной.

Вот в таком крайне расстроенном состоянии и уже мало на что надеясь, Кирилл и ушел вечером 2 мая на мыс Айя. Погода сразу же не заладилась. Начал накрапывать мелкий дождь, и грунтовка сделалась скользкой и противной. Небо затянуло тучами, густой туман накрыл Руданского вместе с дорогой, лесом и горами. Если бы не отличное знание местности, кто знает, дошел бы журналист до нужного ему места или нет.

Уже на поляне, где останавливался ровно год назад, Кирилл огляделся вокруг и, успокоившись, стал не спеша расставлять палатку. Время до сумерек еще было, и он, ловко вбив колышки в землю, натянул на них палаточные веревки. «Так, теперь надо собрать побольше хвороста, – подумал он, – возможно, ночью придется разводить костер». Как в прошлый раз... Тут же мелькнула мысль: «Дважды в одну реку не входят...» Не входят, это правда. А он, Руданский, это собирается сделать, в точности повторяя шаги, предпринятые им ровно год назад. Но принесет ли это ему удачу?

Если разобраться, то по большому счету он даже представить себе не мог, как именно собирается «расшифровать» добытые им свитки из старинного хранилища. Вновь воспользоваться храмом Духа Святого? Конечно, это было бы замечательно. Тем более что Кирилл знает, как возможно устроить подобное «таинство» воскрешения древней информации. Но есть одно большое «НО»! Свиток, который поддался прочтению год назад, имел самое непосредственное отношение к мысу Айя и храму Духа Святого. А что, если два других, лежащих у него сейчас в рюкзаке, не имеют к Айя никакого отношения? А дабы понять их содержание, надо оказаться в том месте, где возможно их «прочтение», касаемое этого самого места.

Кирилл даже остановился. Как такая простая мысль не пришла в его голову сразу? Но если в ней есть смысл, тогда что же получается: он напрасно пришел на Айя? Но нет! Попасть «внутрь» Глаза можно только через Айя. А уже там, внутри, он попытается интуитивно вычислить место, куда ему следует идти. Будь, что будет!

Взяв топор, Руданский отправился к ближайшим деревьям, надеясь нарубить побольше сушняка. И в этот самый момент его внимание привлекли какие-то посторонние шорохи. Журналист остановился и замер на мгновение, прислушиваясь к редким звукам юного майского леса. И... уловил человеческий голос. Откуда же он взялся?

Покрутив головой, Кирилл определил, что голос исходит с ближайшей от него (чуть ниже по склону горы) полянки. Неужели там есть люди? Странно... Ведь он всего полчаса назад прошел через то место и никого не заметил. К тому же в такую дождливую погоду кто сунется в горы по доброй воле?

8

Выждав несколько секунд, Кирилл двинулся дальше. Но теперь от его бывшей расслабленности не осталось и следа. Соседство со случайными людьми его тяготило, особенно в такой день и по такому поводу. Даже вспомнилось, как нечто похожее случилось в прошлом году. Тогда тоже на той самой полянке остановились туристы. Так случилось, что Кирилл вынужденно столкнулся с ними «нос к носу» и в одной из женщин узнал свою старую знакомую – Женьку, в которую был влюблен в молодые годы. Вот так встреча! Но то было год назад, ровно 365 дней, ни больше, ни меньше. Но кого сейчас нелегкая занесла в эту глушь?

Набрав сушняк (топор так и не понадобился), Руданский вернулся к своей палатке, и в этот самый момент, раздвинув кусты, с противоположной стороны вышел мужчина в уже знакомой Кириллу клетчатой рубашке.

– Петя?! – закричал Кирилл и, отбросив сушняк и топор в сторону, пошел навстречу товарищу, – ты?

– Я, – Петр улыбнулся и для верности погладил себя по голове, – собственной персоной.

– Да откуда же ты взялся, – неподдельно удивился Руданский, – каким ветром тебя сюда занесло?

Поздоровавшись и крепко обнявшись, Кирилл и Петр радостно рассмеялись.

– Признайся, не ожидал меня увидеть? – весело спросил Петр.

– Никак не ожидал, – сознался Руданский, – хотя подожди, подожди... Несколько минут назад, собирая сушняк, я расслышал голос на ближайшей отсюда поляне. И сразу вспомнил, как в прошлом году...

– Ровно год назад! – поддержал его Петр.

– Да, ровно год назад, о чем и речь... Я устроился на этом же месте и познакомился с туристами, «осевшими» невдалеке.

– Это были мы, – резюмировал Петр.

– Совершенно верно – вы. И вдруг... Какое совпадение... Не правда ли?

Петр вновь погладил свою голову и, посмотрев на затянутое тучами небо, философски заметил:

– Может быть совпадение, а может, и нет.

– Как тебя понимать?

– Ну, как... Дело в том, что Алла весь год бредила мысом Айя и желала непременно сюда вернуться именно 3 мая либо накануне.

– А ты? – Руданский пристально уставился на товарища.

– А что я? – вопросом на вопрос ответил Петр, – ты же знаешь Аллу, если в ее голове зародился план, то лучше ей не мешать, а то...

– Ну да, ну да, я понимаю тебя, – Кирилл утвердительно закивал головой, вспоминая, какой кипучей, неумной энергией обладала Петина жена.

– С ней трудно спорить, – добавил он вслух, – я согласен. Но скажи мне, почему Алла непременно захотела вновь побывать на мысе Айя? Мне показалось, что прошлогоднего посещения на всю вашу компанию хватило с лихвой.

– Да... Те еще деньки выдались! – согласился Петр, – совершенная катапульта.

– Катапульта? – удивился Руданский, – ну ты и сравнение нашел.

– А разве не так? С какой скоростью мы убежали отсюда. Даже с тобой не попрощались.

– Красиво ушли – по-английски, – дипломатично заметил Кирилл, – признаюсь, я попытался вас догнать, но, увы, ничего не получилось. Как в воду канули.

– Мы ушли рано, как только начало светать. Женя заболела, и нужно было ее доставить... поближе к цивилизации, где можно оказать медицинскую помощь.

– Женя заболела? А я и не знал...

– Ты не беспокойся, все обошлось, – улыбнулся Петр, – кстати, они вместе с Аллой сейчас на поляне палатку ставят.

– Да-а? Значит, вы и Женю с собой взяли.

– Хм... Куда ж мы без нее!

– Получается, вы пришли следом за мной? – уточнил Руданский.

– Выходит так. Но Алла ничуть не сомневалась, что мы вновь встретим здесь тебя.

Кирилл поднял брови и удивленно посмотрел на Петра.

– Петя, ты не шутишь?

9

Петр рассмеялся и похлопал Кирилла по плечу:

– Все дело в 3-ем мае, тебе и мысе Айя. И когда все сходится в одной точке... Словом, Алла сама тебе расскажет... Я не мастер в таких делах.

– В каких делах?

– Ну... в ваших.

– Петя, я тебя не понимаю.

– Да и я, сколько с Аллой живу, – засмеялся Петр, – сам себя не понимаю. Хотя и стараюсь это регулярно делать. Ты, брат, не спрашивай меня ни о чем. Главное – ты здесь. И мы здесь. А все остальное – приложится.

Руданский снова удивленно посмотрел на собеседника, но на этот раз промолчал. Явно Петр чего-то не договаривает. И пришли они на Айя по какому-то тонкому Аллиному расчету. Но причем здесь он, Кирилл?

– Пошли к нам, – предложил Петр, – с девчонками пообщаешься. Ух, как они тебе рады будут!

Кирилл подумал о Жене, которая действительно может быть рада новой встрече. Но причем здесь Алла?

– А знаешь, Петя, я ведь тоже целый год с нетерпением ждал этого дня – 3 мая. Еле дожид до него.

– Вот-вот! – вырвалось у Петра, – я сам еле дожид, и Алла за год мне всю плешь проела.

– Но это совсем другое.

– Нет, все то же самое.

– Хм...м. Говоришь ты загадками. Ладно, пошли к вам в гости, пока не стемнело.

Спускаясь по тропе к ближайшей полянке, откуда все отчетливей слышались женские голоса, Кирилл рассуждал о «феномене 3 мая» применительно к конкретной местности – мысу Айя. Вот уже несколько лет он упрямо ходил в эти пропитанные древними тайнами места. Одна за другой сменялись причины, влекущие его на Айя, а он все ходил и ходил. И вот ровно год назад, здесь, на мысе, ему повстречался человек, назвавшийся Сашей Коридзе. Он провёл Руданского потаенными тропами в самые укромные уголки Айя, показав ему иной мир. Причем иной – в самом прямом значении этого слова. Гораздо позже, анализируя увиденное своими собственными глазами и вспоминая пояснения Коридзе, Кирилл стал понимать, где именно он был. Там его невольный помощник показал величайшие храмы прошлого и открыл, возможно, главную тайну человеческой цивилизации. Руданский узрел древнейшую духовную систему, которая называется Глазом, или Глазом Гора.

Он видел ее, он находился внутри ее, он постиг ее работу. Хотя не все из увиденного дошло до него сразу, но это уже детали. Главное, не забыл Кирилл, когда и как можно найти заветные тропы, однажды открытые ему Сашей Коридзе. День определен – 3 мая. И время точное известно – либо в 3 утра, либо в 3 дня. Так что сплошная связь с цифрой «3». Кроме того, ему открылось, что и сам мыс Айя, являясь одним из 12 главных элементов Глаза, несет на себе порядковый номер 3. Узнал он и о том, что исчисление времени (Новый год), «заложенное» в работу Глаза, начинается не с января, а с марта. И, следуя такому раскладу, май имеет третий номер «списочного» ряда месяцев года, а не пятый, общепринятый у нас сейчас. И тогда возникает естественный вопрос, а не случайно ли практически совпадают по созвучию названия мыса (Айя) и месяца (мая), над которыми главенствует цифра «3»?

– Скажи, Петя, – спросил Руданский, когда они уже подходили к искомой поляне, – кроме тебя, Жени и Аллы больше никого нет?

– Нет, а что?

– То есть вас трое, как и в прошлом году?

– Да.

– Ладно, ничего, это я так, для верности спросил.

– Не волнуйся, лишних нет, – успокоил его Петр.

– Да я и не волнуюсь...

Рядом с палаткой Руданский заметил фигуры двух женщин. Осталось подойти и весело поздороваться. Одно лишь непонятно, какова их роль в хитросплетении Кирилловых хождений по мысу Айя? Руданскому вдруг пришел в голову старый анекдот о слепых, заканчивающийся словами: «...здравствуйте, девочки!». Кирилл набрал в легкие побольше воздуха и на одном дыхании проговорил:

– Здравствуйте, девочки!

Глава III

Ссора

1

...Тот день явно не заладился у многих. Почувствовал на себе его тяжесть и князь Косьма Алексеевич. Все шло наперекосяк, валилось из рук. Топором чуть было не оттяпал себе кисть руки, благо все обошлось. Князь с нетерпением ожидал, когда же этот день наконец закончится. Но ближе к вечеру узнал, что Государь готовит пир. А раз так, то и он, Косьма, будет на нем присутствовать. Если знатные гости приедут – в качестве охраны, а если все свои будут – то за одним столом с Иваном Грозным.

К тому времени князь уже стал при дворе достаточно заметной фигурой. Дружба с наследником престола старшим сыном Государя Иваном, явное тяготение к нему и младшего государева сына Федора, конечно же, были замечены многими. Кроме того, и сам Иван Грозный, не особо расточавший знаки внимания, тем не менее, привечал молодого князя Глинского. И скрыть такие отношения было невозможно.

Но Государь приблизил к себе Косьму не только из-за близких, родственных связей, но и вследствие личных его качеств. Прошедши огонь и воду опричнины, князь Глинский закалился и духом, и телом, не растеряв свойственных ему с детства качеств прирожденного лидера. К тому же у него хватало ума полностью подчинить свой характер любым царским причудам. Кажется, Государь ценил в нем и это. А для других... Никто не смог вынести жестокого, твердого, как сталь, взгляда князя Глинского. Отворачивали глаза, смирялись перед ним. Даже

старший сын Ивана Грозного, Иван, невольно подчиняясь железной воле князя Косьмы Алексеевича, ничего с собой поделать не мог. И по всему чувствовалось – пройдет несколько лет, и расправит крылья князь Глинский. Тогда никто против него и пикнуть не посмеет. Конечно, если Государь позволит те крылья расправить... Ну, а куда требовалось Косьме и смиряться, и голову при случае понижать. Таковы они, нравы Александровской слободки.

– Княже, княже! – перед Глинским стоял молодой опричник и с подобострастием смотрел на Косьму Алексеевича.

– Чего тебе, – отозвался тот.

– Кличет Государь на пир. Да велел сказать, чтобы не опаздывал.

Глинский утвердительно кивнул головой. Такое персональное приглашение могло означать лишь одно – будут все свои, и ему уготовано место не в конце стола, а поближе к Государю.

Да, ярко всходила звезда князя Глинского. Но никто не мог сказать, что привечали его при дворе не по заслугам. Был он личностью мощной, самобытной и редкой по силе. Заслужил уважение к себе не принадлежностью к царскому роду, а своими поступками, своим отношением к людям. И хотя он пока не входил в ближайшее окружение Государя, и так было понятно – скоро и его час настанет.

Что же касается пиров и иных царских забав, то князь относился к ним, как к должному, естественному «ходу» жизни Александровской слободки. Несмотря на то, что далеко не всегда заканчивались они мирно и тихо, без крови.

2

На этот раз пир выдался вялым. Царя никак не могли развеселить шуты и дураки. Он почему-то не слушал своих забавников. Иван Грозный был молчалив и угрюм. Может быть, плохой сон повлиял гнетуще на его самочувствие? Кто ж знает. У самого-то – не спросишь... И лишь золотая братина с рельефными изображениями голых женщин, пущенная по кругу, навела царя на мысль:

– Братья, – послышался его повеселевший голос, – больно невеселы вы. Часом не захворали-то?

В ответ послышался отовсюду оживленный шепот, появилось чувство, что сейчас Государь каким-то образом ободрит пирующих. Князь Глинский, мысленно ушедший в себя, не сразу заметил перемену настроения за столом. Когда же он встрепенулся, то... увидел, как в трапезную, кривляясь, шуты завели двух голых девок – из прислуги.

– Сейчас потеха-то будет, – раздался рядом чей-то голос. А у самого князя вместо радости сердце тревожно ойкнуло и зануло. Холодный пот враз выступил на лбу, и Глинский смахнул его пятерней. «Не к добру, не к добру», – пронеслось у него в голове.

Между тем, в трапезную набилось до десяти девок. Многие уже знали, какую забаву придумал Государь, ибо не первый раз сиживали за пиршеским столом.

– А не повеселиться ли нам? – выкрикнул Иван Грозный и первым поднялся из-за своего стола. За ним, с шумом и гамом, стали подниматься и другие.

Князь Глинский с тревогой посмотрел на жавшихся к стене девок и прошелся по каждой взглядом. Но не было в нем того интереса, который возникает у мужика при виде голых баб. А надо признать, что дворовые девки были все как на подбор хороши и специально подобраны.

– Косьма, а ты чего засиделся? – послышался насмешливый голос Ивана Грозного, – вставай, веселиться будем!

– Будем, будем! – подхватил тоненьким голоском шут Андрюшка и запрыгал на одной ноге к выходу.

Князь Глинский быстро встал и со всеми вышел.

Он явно вздохнул свободнее, когда не увидел ту, кого считал своей зазной.

Выйдя во двор, он убедился, что к забаве все уже подготовлено. Большой двор был по кругу обставлен горящими факелами, за которыми разместилась царская челядь, предвкушая развлечение.

– Пускай! – раздался чей-то властный голос. И в тот же миг, с кудахтаньем, на середину двора стали вылетать куры. Их ловко и быстро выбрасывали из клеток холопы. Через минуту птицы вмиг заполнили весь двор. Следом с визгом стали выбегать из хлева и гоняться за разлетающимися во все стороны, ополоумевшими курами голые дворовые девки. Гости, да и сам царь гоготали и валились со смеху, наблюдая за сноровистыми курами и не поспевающими за ними девками.

– Давай! Лови ее! Хватай! – неслось со всех сторон. И в этот самый момент князь Глинский заметил среди мечущихся по двору девок ...свою Глашу. Господи, помилуй! Откуда?! Ведь не было ее в трапезной среди других, ведь не было!.. Он же очень внимательно смотрел. Значит, все подстроено?! Что же теперь делать? Князь буквально задохнулся от негодования. Как же так? Ведь все знали, что Глаша – это его, Глинского, зазноба. Никто раньше не смел ее трогать! Стало быть, по особому слову Государя ее так посмели осмеять и пустить на забаву...

Сказать, что Глаша была необычно хороша собой – ничего не сказать, одним словом, Пава! С большими голубыми глазами и длинными льняными волосами! Лучшей, румяней и белее телом князь и не видывал!

О такой не скажешь «дворовая девка». Не удивительно, что Глинский сразу же оценил ее и выбрал для себя, а вскоре страстно и нежно полюбил. И Глаша всей душой откликнулась на любовь. Разве откажешь такому молодцу, по которому сохло не одно девичье сердце!?

3

– Гляди, гляди, а Глашка-то какова! – неслось со всех сторон. А может, князю Глинскому только казалось, что все выкрикивают имя его любимой...

Но ойкнула тетива, прошуршала в воздухе небольшая стрела и вонзилась в нежную белую плоть пониже спины у одной из девок.

У этой забавы, кроме шуточной стороны, имелась и другая – кровавая. В неуклюжих, неспособных поймать курицу девок стреляли из лука. Это были специальные, «мягкие» луки. И опытный, с твердой рукой и острым глазом, стрелок без малейшего усилия ловко попадал в цель в тот самый момент, когда жертва наклонялась за курицей, невольно подставляя всяк глядящему мягкое место.

Но в царском окружении попадались и менее ловкие стрелки. Поэтому стрелы не только увечили, но, бывало, и убивали девок. Дескать, на все Божья воля!

Князь Глинский, находясь в оцепенении, неотрывно следил за Глашей, не решаясь что-либо предпринять. Ему бы броситься в ноги Государю, вымолить прощение за свою любимую да увести ее со двора, тем более что кур «своих» она уже наловила. Но в этот миг кровь закипела в жилах молодого князя. И он, не в силах себя более держать, громовым голосом закричал на всю слободку:

– Пошто куражитесь надо мной?!

И тут же выступил на середину двора, с гневом обведя взглядом притихшую царскую челядь.

В мгновение ока наступила тишина. Опешившие девки остановились, а куры, которых больше никто не гонял, перестали кудахтать. Стрелки опустили луки и с удивлением уставились на князя Глинского. Челядь замолчала, а Государь... Очевидно, никак не ожидавший такого поворота дела, он молча стоял и смотрел на князя Глинского. Наконец понял, что сейчас взоры всех собравшихся обратятся уже на него самого, царь негромко спросил:

– Косьма, ты чего это... Забаву срываешь, а?

В ответ взбешенный до крайности князь вторично проорал царю в глаза:

– Пошто куражитесь?!

– Схватить собаку, – не замедлил с ответом царь.

Сразу с двух сторон на Глинского бросилось несколько человек. Но князь только повел могучими плечами, и те остановились, как вкопанные, не в силах сделать вперед хотя бы шаг. Знали: в злобе князь, как медведь, зашибет до смерти одним ударом.

– Схватить! Схватить собаку!

Лицо у царя от душевного напряжения сделалось красным, на лбу выступил пот, и даже показалось, что его сейчас хватит удар.

Князь Глинский вздернул бровью, криво усмехнулся и глубоко вздохнул. Гнев его уже прошел, и он, наконец, осознал, что натворил. Сопротивляться в такой ситуации не было никакого смысла. Да и незачем...

Враз его скрутили крепкие руки и поволокли на задний двор, где было ныне тихо и спокойно, но Косьма хорошо знал, что именно там находятся темница, где держали неугодных Государю холопов и пыточный застенок, где Малюта Скуратов издевался над приговоренными. Сейчас Малюта хворает. Уже третий день, как на люди не показывается. Но завтра-послезавтра этот душегуб встанет на ноги, и тогда...

Постояв в нерешительности несколько секунд, Государь махнул рукой:

– Конец забаве.

Челядь стала молча разбредаться в разные стороны, обсуждая выходку князя Глинского. А Иван Грозный, посмотрев в ту сторону, куда уволокли Косьму, грозно крикнул:

– Ну, завтра, строптивец, я с тобой поговорю иначе!

Князь Глинский уже не разобрал слов царя, но по тому, как сжались на его плечах руки опричников, понял: дело его плохо, эту обиду царь ему не простит.

Здравствуйте, девочки!

4

– Ой, Кирилл! – завизжала Женя и, подбежав к Руданскому, трижды крепко его поцеловала. А следом и Алла, радостно улыбаясь, обхватила Кирилла и со всей силы прижала к своей груди.

– Девчонки, девчонки, отпустите! – взмолился Руданский, не ожидавший такого жаркого приема.

– Я... я что говорила! – старалась всех перекрычать Алла, – он обязательно придет. Ведь так? Ты, Кирилл, пришел на Айя в нужный час?

– Пришел, пришел, – ответил ей Руданский, – но вас, признаюсь, увидеть здесь не ожидал.

– Это сюрприз для тебя, – сказала Женя, – надеюсь, приятный.

– Надеюсь, – в тон ей ответил Кирилл. В его мозгу шевельнулась мыслишка: «А не связан ли приход Аллы с товарищами с той тайной, которую он приоткрыл Жене»? Правда, Женя, находясь в полубморочном состоянии, почти ничего не запомнила. Поэтому рассказать другим о странном путешествии «во Время» вместе с Кириллом вряд ли кому смогла бы, тем не менее... А вдруг спустя время память у нее восстановилась? Так ведь бывает в жизни. Тем более, рядом ее подруга – Алла, обладающая, судя по всему, приличными психоэнергетическими способностями. Вот она и вынюхала у Женьки... Да, надо быть поосторожнее в словах, как бы не сболтнуть лишнего.

– Здравствуйте, девочки! – еще раз сказал Руданский и улыбнулся. Как бы там ни было, а общение с этими двумя представительницами слабого пола ему нравилось. Веселые, красивые, «в форме» и с чувством юмора. Чем не партнерши для романтического ужина в горах?

– Здравствуй, здравствуй, Кирюша, – ответила ему Алла, – хорошо, что Петя сразу тебя разыскал. Может быть, мы объединимся, и ты перенесешь свои вещи сюда? Здесь для твоей палатки места вдоволь. Смотри сколько!

Алла, как исполнительница народных танцев, плавно повела в воздухе рукой. Эту театральность ее жеста заметили все, и дружный смех разнесся по поляне. Кирилл, поддаваясь обаянию момента, хотел уже соглашаться на Алино предложение, но вдруг вспомнил, что у него в рюкзаке остались свитки, которые видеть никто не должен. Кроме того, такое соседство может помешать исполнению его планов. Ведь ровно в 3 часа ночи Кирилл должен уйти на сам мыс. А лишние люди, как нежелательные свидетели, следить за его действиями не должны.

– Нет..., – Руданский уклончиво ушел от ответа, – пусть палатка пока там постоит. Я ведь и сушняка для костра уже натаскал, не нести же его сюда.

Алла слегка прикусила нижнюю губу, разочаровавшись отказом Кирилла, но тут же взяла ситуацию в свои руки.

– Ну, тогда смотри сам. Я просто беспокоюсь за сохранность твоих вещей.

– Да что с ними делается? – удивился Руданский, – я уверен, что в этом медвежьем углу, кроме нас, больше никого нет. К тому же... к тому же я скоро вернусь к своей палатке. Так ведь?

– Конечно-конечно, – снова инициативу перехватила Алла, – поступай, как знаешь. Просто мне очень хотелось поговорить с тобой.

– Ну, поговорим. Разве у нас мало времени? – Руданский снова улыбнулся, – так ведь?

Алла поцеловала его в лоб, удовлетворившись последними словами собеседника. Конечно, поговорим. А дальше, как Бог даст.

5

– Петя, – она позвала мужа, – ты покуда помоги Женьке вещи разобрать. Чего время зряра терять. А я пока с Кириллом почирикаю. Добро?

– Да чирикай на здоровье, лишь бы водку стаканами не пили, – снисходительно разрешил Петр.

– А я? – вырвалось у Жени. – Я тоже хочу... почирикать с вами. Вернее, с тобой, Кирюша.

Руданский хмыкнул себе под нос. Вот уже полгода, после ухода Тома, его никто Кирюшей не называл. А тут – сразу две женщины, как в один голос.

– Нет-нет, – запротестовала Алла, – мне с Кириллом надо один на один уединиться на несколько минут.

– А успеете? – игриво поддела ее подруга.

– Женька, иди ты в одно место с твоими предположениями, – обиделся за жену Петр.

– Так и я о том же, Петя, – не унималась Женья.

– Ну все, все, разгалделись, – повысила голос Алла, – ничего уже сказать нельзя, – и, обращаясь к Кириллу, добавила, – Кирюша, давай отойдем на тот край полянки.

– Давай, – согласился Кирилл и первым двинулся в указанном Аллой направлении. Он шел и чувствовал «на спине» любопытный, если не сказать больше, взгляд Жени. А вот Петр был совершенно спокоен. Можно было даже подумать, что он поощряет поведение жены. Но так ли обстояли дела на самом деле? Руданский не успел разобраться в хитросплетениях отношений этой троицы, которую он невольно разбавил присутствием собственной персоны.

– Кирилл, – Алла заговорила очень серьезно и даже строго, – мне надо с тобой поговорить по одному чрезвычайно важному делу.

– Я слушаю тебя, – спокойно сказал Руданский, уже догадываясь, о чем станет говорить собеседница.

– Очень прошу отнестись к моим словам и... к моим поступкам со всей серьезностью. Хорошо?

– Я готов, – односложно подтвердил журналист.

– Кирюша, – начала Алла, – так получилось, что наше знакомство в прошлом году получилось скомканным. Скорее всего, по моей вине. Ведь я, признаюсь, совершенно не оценила тебя и ту работу, которой ты занимаешься.

Руданский удивленно посмотрел на собеседницу:

– О какой работе ты сейчас говоришь? Насколько я помню, мы вообще ни о чем таком не говорили.

– Вот же! А должны... Если бы Женя случайно не припомнила некоторые детали вашего похода в... в... – Ну, ну, говори, – поддержал ее Руданский.

– Извини, Кирюша, я не знаю, как правильно назвать то место, где вы были. Женя не смогла мне, как следует, разъяснить, только я вдруг подумала, что ты ее водил в неведомое. Так можно выразиться?

– Можно, – осторожно согласился Руданский, – но почему ты вдруг решила, что это касается именно тебя?

– Кирюша, прости меня, дуру. Иногда женщина говорит одно, а делает другое, думает при этом о третьем, а четвертое у нее выходит само собой.

Руданский засмеялся:

– Давно я не слышал от женщин таких откровений.

Алла не расслышала его слов. Она вся напряглась, словно собиралась сообщить журналисту какую-то важную тайну, волновавшую ее последнее время. И только открыла рот, как сильнейший гром разразился над мысом Айя, и молния полоснула пространство, разделив его на две неравные половины. Через несколько секунд грозовой раскат еще большей силы повторился, и Кирилл обеспокоенно поднял голову к небу.

– Кажется, сейчас дождь пойдет, – сказал он.

– Да, – обреченно подтвердила Алла, которой небеса не позволяли сказать о чем-то необыкновенно важном.

– А у меня вещи остались разбросанными возле палатки, – гнул свое Кирилл.

– Да, – подтвердила Алла.

Явно, грозовой заряд сбил ее с мысли, и она даже растерялась, не зная, что лучше всего предпринять в данной ситуации.

– Алла, мне надо вещи спрятать.

Женщина покорно кивнула головой: мол, надо.

– Ну, так я пошел.

– Иди.

6

Между тем, Петя и Женя быстро закидывали рюкзаки в свою трехместную палатку. Поравнявшись с ними, Алла предложила:

– Петя, пойдй помоги Кириллу, мы с Женей без тебя управимся.

– Да я сам..., – запротестовал Руданский.

– Нет-нет, он поможет тебе, идите!

Когда мужчины уже шли по тропе, сзади раздался Аллин голос:

– Да побыстрее возвращайтесь, пока дождь не начался.

– Хорошо! – крикнул в ответ Петр и спросил у Руданского:

– Скажи, Кирилл, что она тебе успела рассказать?

– Да ничего, только было собралась, а тут гром возьми, да и ударь. Алла вдруг сникла вся...

– Ах, вот оно в чем дело, – Петя даже присвистнул, – я-то думал...

– Что, что ты думал? – не выдержал журналист, – твоя жена все никак не могла сказать мне нужное. Теперь ты начинаешь заходить откуда-то сзади. Говори яснее!

Петя рассмеялся.

– Да куда уж яснее. Втюрилась она в тебя.

– Кто? Алла?!!

– Ну не я же. Хотя, если честно, после той ночи... Словом, когда ты вернулся с Женей из твоей палатки, я чуть было не набросился на тебя с кулаками.

– Почему? – искренне удивился Руданский.

– Я-то Женьку давно люблю. Но... Но ни разу ее не трогал как мужчина.

– Алла не позволяла? – уточнил Кирилл.

– Алла... Да что ты понимаешь в наших отношениях?! Я ее оберегал, словом. Хотя это выглядит со стороны глупо. А когда, уже от Аллы, я узнал, что между вами ничего не было, знаешь... Знаешь, я тебя просто зауважал. Не кинулся ты, как похотливый самец, на изнывающую плоть.

– Так вышло, – вздохнул Кирилл, – могло все обернуться по-другому.

– Могло, согласен, но ведь не обернулось же!

– Тут ты прав.

Руданский и Петр подошли к палатке и стали быстро забрасывать в нее оставленные на траве вещи. Последним в палатку Кирилл положил топор и удовлетворенно сказал:

– Теперь дождь мне не страшен.

– Ага, – подтвердил Петр, – может, теперь пошли к нам?

Кирилл задумался и нехотя ответил:

– А зачем, Петя? Главное ты мне уже сказал. И я, признаюсь, просто не знаю, как себя вести в такой ситуации. А ты сам-то знаешь?

– Главное, говоришь? – усмехнулся Петр, – да о главном мы с тобой вообще не говорили.

– Как... А то, что Алла, твоя жена, в меня...

– Сейчас не это главное. У нее слабости, как и у любой другой женщины, бывают. Не спору. Я привык к ним за двадцать пять лет нашей совместной жизни и отношусь ко всему происходящему философски. Впрочем, как и она к моим недостаткам. Кстати, именно поэтому мы и сохранились как семья, и к тому же стали настоящими друзьями и помощниками друг другу. У нас единый жизненный интерес – это самое главное в семейной жизни, особенно в такой период времени, в какой мы сейчас попали. А любовь... В жизни все бывает, мы ведь люди, а не роботы.

Что же касается тебя, то здесь случай вообще особый. Алла целый год бредила мысом Айя и встречей с тобой, но в ином смысле. Скоро ты поймешь...

Когда Руданский и Петр подходили к палатке, возле которой копошились женщины, Кирилл услышал:

– А за Женю спасибо тебе. Искренне говорю, от всего сердца.

Побег

7

Очутившись в темнице, князь Глинский сел на сырую землю и, прислонившись спиной к бревенчатому срубам, уставился на слабо светивший каганец и стал думать, как же ему быть дальше. В гневе Иван Васильевич всегда страшен, спору нет. Но ведь и отходчив он. Глядишь, к утру-то успокоится. Хотя, конечно, всенародно грозился наказать Косьму, выступившего против Государевой забавы. Но ведь пустяшное дело, не стоящее выеденного яйца! Разве за такое можно строго карать?

Князь еще какое-то время сидел в задумчивости, а затем сказал громко и отчетливо:
– Да. За это Государь вполне может покарать. Вполне.

Косьма встал и нервно заходил по темнице, все время натываясь на стены. Только теперь до него начал доходить весь страшный смысл содеянного. Заступившись за свою любимую, он обрек себя на верную смерть. А возможно – и лютую смерть.

Но... Но если Государь все же смирится и простит его? Так ведь бывало уже с другими и не раз. Почему же со своим родичем, преданно служившим царю все годы, Иван Васильевич не может поступить так же? К утру остынет, успокоится, а он сам, Косьма, бросится в ноги Государю и станет целовать его сапоги, мол, с кем по молодости не бывает... Прости, мол, меня, батюшка, Христа ради! Неужто не простит?

С другой стороны... Зачем Глашу раздели и бросили во двор вместе с другими девками на забаву? Ведь знали же, что нельзя ее трогать. Знали, что князь Глинский не стерпит. Знали, что и сам царь прогневаться может. Однако же против воли Государя никто бы не пошел. Никто и никогда. Значит, по Государевому указу делалось все? А может, и того хуже – сам придумал... Тогда что же получается: Государь решил князя Глинского проверить на смирение, на личную преданность царю? Все может быть.

А он поддался чувствам, по скудоумию не понял и ...не прошел царскую проверку. При всех не прошел. Князь громко застонал. Теперь многое становится понятным. И вдруг в его голове мелькнула мысль: «А за Малютой уже послали!». Косьма даже передернулся: «Не может того быть. Малюта же болен! Да и Государь обещал разобраться с князем только утром». Обещать-то то он, конечно, обещал...

Князь Глинский наощупь, будто во хмелю, дошел до запертой накрепко двери и громко в нее постучал. С той стороны никакого движения не последовало. Он еще раз громко постучал и что есть силы крикнул:

– Есть тут кто?

И снова тихо. Тогда он со всей силы стал долбить ногой в дверь и громко взывать о помощи. Наконец с той стороны отозвались:

– Пошто буянишь?

– Это ты, Агафон? – спросил князь.

– Нет, я не Агафон, – ответил голос.

– Так по нужде мне надо, – взмолился Косьма.

– Нет указу тебя пущать.

– Невмочь мне. Выпусти!

– Пошто скулишь? Никшни!

Князь уже хотел было отступить, но в голове снова пронеслось: «За Малютой уже послали!». И Косьма вновь возопил:

– Животом маюсь, нет мочи! Человек же ты! Не сбегу я!

– Никшни, – все равно несло с той стороны.

– Ну тады давай во как, – сказал князь, – приведи с собой еще кого, да свяжите мне ноги, дабы не убег. Ну же, ну! Чего молчишь?

– Ладно, – согласился, наконец, стражник, – жди.

8

Князь прислонился к двери и, затаив дыхание, вслушивался в каждый шорох, доносившийся снаружи. Наконец, спустя какое-то время, он явственно различил шаги нескольких человек. В голове снова пронеслось: «За Малютой...» Сейчас главное опередить Малюту, хотя бы на один шаг. Дверь с грохотом отворилась, и Косьма увидел перед собой нескольких дюжих стражников.

– Ты токо не дури, – посоветовал один из них, – мы шутки с тобой, княже, шутить не будем, зашибем до смерти, коли што.

– Не буду, – кротко пообещал Глинский.

Его отвели в нужник, и вскоре пятеро стражников (Косьма успел их сосчитать), окружив князя со всех сторон, уже следовали к темнице. Косьма вел себя спокойно, никакой враждебности не казал. А когда один из стражников распахнул перед ним дверь, мягко сказал:

– Вы, братцы, не поминайте меня лихом, коли обидел кого из вас. Всяко может случиться поутру, может, и не увижу вас больше.

Стражников растрогали слова князя, и они зашептали в ответ, что любят Косьму и зла на него не держат. Но служба есть служба.

– Так-то, так, – смиренно согласился Глинский и сделал шаг в темницу.

– Прощевай, княже, – донеслось сзади.

Но Глинский ничего не ответил. Вместо этого он слегка отставил одну ногу назад в тот самый момент, когда стражник захлопывал дверь. И она с размаху прищемила выставленную Косьмой ногу. Тот взвыл от боли и грязно выругался.

С противоположной стороны послышались участливые голоса, и дверь снова распахнулась. Очевидно, опричники ожидали увидеть лежащего на полу и корчившегося от боли узника, но вместо этого... На них молнией налетел грозный князь и точными ударами принялся сбивать с ног никак не ожидавших такого нападения опричников. Через несколько мгновений четверо из них, так и не успев оказать сопротивление, бездыханными лежали на земле. Пятый успел увернуться и теперь во весь опор уносил ноги.

Глинский за ним не побежал. Теперь ему было не до опричников. Поплевав на ладони, он крепко растер их, а затем подпрыгнул и ухватился за выступающую лагу крыльца. Через несколько мгновений он уже, как кошка, карабкался по стене, пока не исчез за ближайшим выступом. Верткий, упругий, изворотливый, он и на этот раз попытался обмануть судьбу и уйти от грозившей ему опасности. Сознание работало ясно и четко, а натренированное тело беспрекословно подчинялось железной воле князя.

Пока в слободе подняли тревогу да собрали людей для погони, Глинский уже был далеко. По едва видимым тропам убежал он все дальше и дальше, пока густые заросли кустарника и ближайших деревьев не скрыли его навсегда от преследователей.

Между тем, в Александровской слободе началась настоящая паника. Разожгли факелы, подняли всех до единого людей, доложили Государю. Князя искали везде, но от беглеца и след простыл. Стало ясно, что Глинский ушел в лес. Тут же организовали погоню в нескольких направлениях. Стали прочесывать ближайшие заросли, все дальше углубляясь в лес. Но беглеца не было нигде, словно Глинский испарился.

9

В это время князь все дальше углублялся в лес. Он блестяще исполнил то, что задумал еще в темнице. Конечно, его будут искать, поэтому надо скрываться в самой глуши, где конь не пройдет, и пеший его никогда не достанет, благо, леса здесь глухие, медвежьи. Наклонившись к ручью, князь жадно пил холодную, освежающую воду. Сразу стало спокойно на душе. Сердце наконец перестало бешено колотиться. «Все, ушел! – подумал князь. – Теперь надо решить, как быть дальше».

Глинский стащил с ног сапоги и подставил ступни под холодный поток воды. Да, теперь у него один путь, и он знает какой. Все дорожки, ведущие в Александровскую слободку, для себя он напрочь отрезал. Пока жив Иван Грозный, ясно, что князю дорога к счастью заказана. Хотя можно схорониться в Сибири или в каком другом далеком краю дожидаться смерти Государя. А если он переживет самого Косьму, какой прок от затворнической жизни?

Нет, надо поступать по-иному... Сердце князя разрывалось от возбуждения. Ему в который раз мерещились в голове картины вчерашнего вечера. То он видел среди мечущихся по двору девок свою Глашу, то себя самого в тот миг, когда пошел против воли Государя и закричал прямо ему в глаза. В этом крике было все – и отчаяние, и негодование, и неприятие царских забав, к которым у него никогда не лежало сердце.

Но теперь-то? Теперь-то он свободен. Ведь сколько раз Косьма хотел уйти из слободы. Да все духу недоставало выпросить у Государя «вольную». Теперь такую «вольную» князь Глинский заработал себе сам. Хотя и необычным для верного царского слуги способом.

Князь вытер ноги, натянул сапоги и пошел дальше, не разбирая дороги. Впрочем, о какой дороге можно говорить в такой глуши?

Несколько дней Косьма бродил по лесу, пока не вышел на крошечный скит, в котором жили старец и прислуживающий ему малец. Здесь наш беглец остановился надолго, дабы перевести дух и набраться сил для нового перехода.

Между тем, Государь посылал новых и новых людей на поиски Глинского, но все они возвращались ни с чем. Князь будто сгинул, но совсем отступить от поиска помог случай. Прошел слух о неизвестном человеке, пропавшем на болоте. Так и решили – это князь утонул. Вскоре поиски прекратились, хотя Иван Грозный, хорошо знавший об удачливости Косьмы, не верил в такой исход. А Глаша... Кто теперь скажет, как сложится жизнь этой несчастной...

Часть II. Кудеяр

Глава I

Разбойник

1

Миновало не так уж много времени, когда по Волге прошел упорный слух, что в здешних лесах объявились лихие люди, которые промышляли грабежами на большой дороге. В ту пору большаки считались местом ненадежным. То тут, то там случались разбои и даже убийства. Поэтому появление еще кого-то, кто этим занимался, никого не удивило. Но вскоре имя атамана, предводителя, как оказалось, «беглых вольных» казаков, стало гулять по всей Руси, и на это были причины. Весть о Кудеяре (так звал сам себя вожак) дошло и до ушей Ивана Грозного. Вначале Государь не обратил особенного внимания на это редкое имя. Но потом вдруг припомнилось: Кудеяр, Кудеярушка... В голове всплыли смутные воспоминания прошлого, его давний разговор с сестрой Анной... Да, да. Именно она звала своего внука Кудеярушкой – непоседой, проказником. И позже, когда молодой князь Глинский уже стал опричником, до Государя доходили слухи, что кое-кто называл его так же, в шутку, не более. Но разве могло случиться, что эта юношеская кличка...

Вскоре пришли с Волги плохие новости. Разбойники под водительством Кудеяра совершали все более дерзкие нападения. Но изловить или хотя бы убить этого атамана никому не удавалось.

Дело было в том, что Кудеяр грабил только купцов, бояр и тех, кто преследовал воровских казаков. Нередко он раздавал добытое на большой дороге добро казакам, которые не имели ни кола, ни двора. А с богатыми людьми поступал по-всякому: одних отпускал с Богом, почти ничего не взяв, а вот с другими мог и жестоко расправиться. Почему-то так случалось, что убивал он людей, как правило, злых, жестоких либо выслуживающихся перед царем. Но позже картина прояснилась: разбойники сознательно охотятся за лихими, нечестно нажившими состояние людьми.

С тех пор атаман Кудеяр стал считаться защитником бедных и несправедливо обиженных царской властью людей. Конечно, ему они помогали тоже, кто как мог. Когда истина дошла до сознания Государя, тот в негодовании воскликнул: «Вот ты кем обернулся, князь Глинский! Не ждал я от тебя такого». По всему выходило, что на Волге у Ивана Грозного образовался нарыв, который мог в любую минуту прорваться и повлечь за собой непредсказуемые последствия. Зная удаль, характер и силу воли Косьмы Алексеевича, царь мог представить, во что обернется движение под водительством Кудеяра, вздумай тот обернуть свой взор не на царских людей, а на самого Государя. И разверни тот свою деятельность не на Волге, а в Москве...

И хотя Кудеяр лишь разбойничал на большой дороге, не помышляя о большем, Иван Грозный отрядил значительные силы, дабы покончить с вожаком. Но Кудеяру, в который раз, удалось уйти. Вскоре он появился недалеко от престольной, бравирюя своей удалью и бесстрашием. Потом, сказывали, перебрался на север, но видели его и в Киеве. Другие утверждали, будто ушел Кудеяр с Ермаком в Сибирь. Но неожиданно удалой атаман вновь объявился на Волге.

Там, где он появлялся (или имелось предположение, что может появиться), люди могли надеяться на справедливость. А царские слуги либо нечистые на руку купцы и даже воеводы предпочитали такие места покидать заблаговременно. Если, конечно, успевали. Можно ли было говорить о Кудеяре как о благородном человеке, насаждающем на Руси добро и справедливость? С определенными оговорками – да. Почему с оговорками? Да потому, что не надо забывать главное: действие-то происходило в России. Где в ту пору молодецкая удаль да лихая забава всегда соседствовали с погубленными жизнями. И не одной, двумя, а многими. Иван Грозный приучил молодого опричника князя Глинского к большой крови. И тот, став Кудеяром, уже не чурался ее ни в малом количестве, ни в большом. Пути Государя и князя резко разошлись после ссоры в Александровской слободке, но в чем-то они были по-прежнему едины.

2

Еще несколько раз Иван Грозный засылал верных людей, дабы изловить Кудеяра, но каждый раз тот успевал ускользнуть. Словно между ними, достойными противниками, существовал незримый уговор. Царь-де «обязался» чтить имя рода Глинских и никому не рассказывать, кто же скрывается под кличкой Кудеяр. В свою очередь, атаман, верша свой суд, не переступал черту, отделяющую его, разбойника, от человека, желающего занять царский престол. А ведь кровь рода, слава и характер позволяли ему перешагнуть черту. Но он не посмел. Или не захотел? А, может быть, в самом деле, между князем Глинским и Иваном Грозным существовал негласный уговор? Сейчас никто не ответит на эти вопросы.

Годы проходили, а Кудеяр по-прежнему оставался на свободе. В то время на Руси даже задавались вопросом: «Как, мол, мы раньше-то жили без Кудеяра, защитника, благодетеля нашего? Поди мечтали бы о таком, как он, да о нем сказки сказывали деткам, а сами вот под супостатом горе мыкаем, слезы проливаем...»

Сейчас, спустя многие годы, невольно задумываешься: таков ли был Кудеяр, как его рисует эпоха? Он стал невольным порождением поступков Ивана Грозного. Но, может быть, зная изворотливость и совершенную непредсказуемость Государя, Кудеяр смог удержаться как атаман потому, что царь того тайно желал? Мол, пусть уж лучше Кудеяр, свой, известный царю-батюшке, поможет ему с боярами управиться, чем кто другой измыслит его с престола сбросить! Хватит ему Ермака пока что – заботы на царскую голову... Вот и думай: а не играл ли царь с Кудеяром-то в кошки-мышки за ради своего личного спокойствия?

Как бы там ни было, но в конце-концов Кудеяр со своим уже поредевшим войском добрался до Днепра. Он рассчитывал здесь, вдали от «Государева ока», на время схорониться, подобрать новых, удалых молодцов (благо, среди казаков Запорожской Сечи таковых имелось в достатке), а дальше... Русь большая, и земель в ней много. Но так вышло, что ввязался Кудеяр в никому не нужную сечу с такими же, тоже пришлыми, казаками. И хотя победа оказалась за ним, добрая часть его верных товарищей навеки осталась лежать в днепровской степи. И Кудеяр, видя негостеприимство со стороны запорожцев, вновь ушел на Волгу.

Здесь была его слава, но не осталось уж сил сопротивляться царю. Все чаще он промышлял обыкновенным разбоем, лишь бы выжить. В конце концов, у Кудеяра осталось всего лишь несколько самых верных и преданных ему товарищей. С ними он ушел вначале к нижнему течению Волги, а затем «перекочевал» в Крым, где надеялся отсидеться и перевести дух. Сдаваться Кудеяр не собирался. Пока были у него силы, пока горели негодованием глаза, пока билось жаркое сердце.

3

В Крыму у него тоже все складывалось не самым лучшим образом. С татарами он нашел общий язык, дав хорошую дань за право жить под южным солнцем. Смог договориться и с турками. Но здесь, вдали от России, Кудеяр стал терять ту уверенность, которая всегда выделяла его среди других. И люди, до того времени верные ему, принялись по одному уходить. В конце концов, у Кудеяра остался всего лишь один человек – Василий Корень. Его старый товарищ.

Именно с ним Косьма начинал разбойное дело. Именно при нем впервые назвался Кудеяром. Но позже Василий откололся от атамана и стал промышлять самостоятельно. Он ведь был обыкновенным разбойником, и благородные поступки Кудеяра, раздававшего награбленное беднякам, не одобрял и не понимал. Но однажды пути-дорожки Василия и Косьмы вновь пересеклись, и Корень вернулся к атаману. Так уж получилось, что они, затеяв «большое» дело, вновь остались вдвоем.

Кудеяр и Корень устроили свой вертеп в одной из горных пещер, недалеко от портового местечка, татарами и турками называемое Балакаей или Балаклавой. От местных же жителей братья-разбойники узнали, что их пещерный схрон находится на мысе Айя. ...О! Кудеяру никогда не забыть тех минут, когда он впервые увидел море с этой дивной горы! «Лепота!» – только и молвил он, а Василий, тот вообще онемел, лишь глаза смешно пучил... И то правда: ширь да гладь морская, а вдалеке та самая заманка имеется, что привела сюда Кудеяра – путь купеческий морской, значит, можно было первыми узнавать о приплывающих кораблях, о товарах и богатых людях, направляющихся в глубь Крыма, если иметь своих людей в Балаклаве. Да, большие дороги существовали и здесь. А свое ремесло, приобретенное на Волге, Кудеяр и Василий Корень знали туго.

Другое дело, как сам, некогда грозный атаман, воспринимал свое нынешнее положение. И можно ли было говорить о том, что, убив какого-то несчастного армянского купца или зажиточного турецкого чиновника, он тем самым «благородно» поступал по отношению к русским людям, томящимся в татарском плену? И думал ли он о них вообще? А если нет, то зачем вообще обретался в Крыму, за пределами России?

А может быть, Кудеяр понял, что проиграл Государю российскому объявленную им самим же войну? Проиграл, и нет более сил и желания начинать все заново. И как последний удел для него – ныне вот мыс Айя, где он может отсидеться, отлежаться, словно волк. И здесь, в Крыму, когда все попорано и предано забвению, он однажды найдет свою смертушку, неудачно подставив спину под меткую татарскую стрелу. И так лучше, сиречь здесь безвестно сгинуть, дабы Государь никогда не прознал о смерти Кудеяра. Пусть думает, что жив князь Глинский. Пусть думает и пусть боится его, покудова сам жив. Пусть тревожат царя думы о нем, Кудеяре. Лихом, но правом человеке, который-де еще себя покажет. А что касаясь России, то Кудеяр туда обязательно вернется. Живым или...

Явь и сон

4

Откровенно говоря, Руданский очень даже удивился словам Петра. Вообще, прошлогодняя встреча оставила об Аллином муже впечатление двоякое. С одной стороны, он казался Кириллу человеком замкнутым, все время державшимся в стороне. С другой... Алла при всей своей бурной энергии и явном первенстве во взаимоотношениях с Петей и Женей, тем не менее, подчинялась Петру по одному только взгляду последнего.

И теперь Руданский был удивлен тому, что Петр так спокойно рассуждает о своих взаимоотношениях с Аллой! Причем говорит об интимных вещах с ним, Кириллом, по существу, чужим для него человеком. И что самое поразительное – соглашается с тем, что Алла «нервнодушно дышит» в сторону Руданского. Как это понимать? Разве муж может так спокойно передать жену в руки другого? Причем тот, другой, вообще никаких чувств к супруге своего нового товарища не испытывает. Откровенно говоря, странно все это. Либо супруги чего-то таят от Руданского, либо за год, что Кирилл их не видел, произошло нечто такое... Да, явно за словами Петра и откровенным желанием Аллы скрывается какая-то тайна. И следует ему самому быть начеку, мало ли как дело обернется...

– О, мальчики пришли! – воскликнула Женька, – а мы как раз собирались ужин приготовить.

Руданский криво улыбнулся, подумав о Жене. А на чьей стороне она? В прошлом году, когда получился своеобразный экспромт во взаимоотношениях Жени и Кирилла, она была явно на его стороне. А сейчас? Какая роль уготована ей сейчас? Если Женя вполне согласна с Аллиным выбором, значит, она... Она отдает его, Кирилла, своей лучшей подруге?! Но с какой стати! И даже, если это так, то зачем она явилась на Айя? Чтобы лицезреть «торжественный» отход Кирилла в Аллину палатку? Полная чушь! Не мазохистка же она.

Правда, Петя утверждает, будто у него с Женей, образно говоря, «своя песня». Что ж, поверить можно...

В этот момент Кирилловы размышления прервал громкий голос Петра:

– Девочки! Готов к принятию пищи с одним лишь условием.

– Каким? – Женя внимательно посмотрела на Петра.

– Я сам помогу накрывать «поляну». Аллочку мы освободим для разговора с Кириллом. А то, глядишь, снова гром грянет, и она так и не удосужится с человеком пообщаться. Как мое предложение?

«Начинается», – подумал Кирилл.

– Я – за, – бойко крикнула Женя, – а ты, Алла?

Алла молча поставила на расстеленную клеенку четыре белые пластмассовые тарелки и, встав, сказала Руданскому:

– Ладно, Кирюша, пошли поговорим. Ужин подождет.

– Ну, пошли, – согласился журналист и тихо добавил, – тайны Мадридского двора...

– А? – не поняла Алла.

– Кажется, скоро дождь пойдет, – громко сказал Кирилл.

Алла подняла голову к небу и парировала:

– Может быть. Но он нам уже не помешает, я надеюсь?

Отойдя к дальней стороне поляны, Алла взяла Руданского за руку и проникновенно проговорила:

– Кирюша, я буду с тобой предельно откровенна. И очень прошу, чтобы и ты мне ответил тем же.

– Хорошо, – согласился журналист, – только я, право, не понимаю, какой откровенности ты ждешь от меня?

– Сейчас поймешь. Но вначале я хочу тебе сказать главное. Кирюша, я все знаю относительно тебя и Жени. Ну, в тот раз...

– В прошлом году? – уточнил Руданский.

– В прошлом году, Кирюша, в прошлом году.

– Но я не понимаю... Какое это может иметь отношение к тебе?

Алла глубоко вздохнула и крепко сжала Кириллу ладонь.

5

– Ну же! – стал настаивать Руданский, – я хочу знать, почему ты вправе вмешиваться в отношения двух взрослых и совершенно независимых от тебя людей?

Алла улыбнулась.

– А знаешь, Петя мне этот же вопрос задавал, когда я откровенно с ним поговорила.

– Да меня совершенно не интересует позиция твоего мужа, – не сдавался Кирилл.

– Извини. Это так, не к месту вырвалось. Просто... Кирюша, просто Женя вспомнила все.

– А? – не понял Руданский.

– Женя вспомнила свой сон в мельчайших подробностях. Ты понимаешь, о чем я сейчас говорю?

Руданский сделал непонимающие глаза.

– Какой еще сон?

– Ну тот, который случился у нее на маргаритковой поляне, куда ты ее увел в 3 часа дня 3 мая прошлого года.

– Ах, вот ты о чем! – воскликнул журналист, – а я не могу взять в толк... все ходишь кругами и ходишь. Как шука вокруг карася.

– Удачное сравнение, – снова улыбнулась Алла, – шука... Надо же! Меня так еще никто не называл.

И вдруг, резко изменив тон, она с вызовом посмотрела на собеседника и почти выкрикнула:

– Только это не сон был! Правда, не сон? Кирюша, то, что Женьке, этой дурехе-бабе, привиделось, на самом деле произошло в реальности. Между тобой и ею. Нет, нет, я не правильно выразилась. Между вами и тем местом, куда ты ее водил.

– Хм...

Руданский на секунду задумался, очевидно, вспоминая перипетии прошлогодней «прогулки» с Женей.

– Признаюсь тебе, Алла, я действительно утаил от вас многое...

– Точнее – все, – перебила его Алла.

– Пусть так – все, что случилось между мной и Женей. И даже был рад тому, что она уснула и забыла о случившемся. Тем более... Как бы выразиться поудачней... Словом – произошедшее тем днем на Айя касалось только меня. Зачем посторонним людям знать лишнее?

– Посторонние – это мы, – уточнила Алла.

– Да.

– Прости, но Женька-то не посторонняя! Она была с тобой. Как минимум: она свидетель случившегося.

– Случайный свидетель.

– А если нет?

– Как так? – удивился Руданский.

– Может быть, и она, и я совсем не случайно оказались на мысе Айя в прошлом году? И встреча с тобой была делом закономерным. И...

– Ага! – прервал ее Руданский, – вы ведь поисками сокровищ занимались. Я вспомнил! Только, милая Алла, к вашим сокровищам ни я, ни тот поход с Женькой никакого отношения не имел. О чем тогда говорить!

– Кирюша...

Алла враз обмякла, словно ее стукнули по голове чем-то тяжелым.

– Кирюша, откуда же я знала, куда ты поведешь Женю?! Ты ведь даже не заикнулся... Так ведь? Очевидно, ты скрываешь от нас некие тайны и считаешь, что не вправе нам рассказывать.

Это твое дело. Я не буду настаивать ни на чем. Но прошу тебя быть со мной откровенным, насколько сможешь после того, как я... Словом, после некоторых моих признаний тебе.

– Мне? – удивился Кирилл, – но почему мне?

– Я сама не знаю, почему именно тебе. Но так уж выходит.

– Подожди, подожди! Давай-ка сначала разберемся с Жениным сном. А то вы нафантазировали вдвоем, а мне теперь выслушивать ваши откровения.

Аллины глаза вновь сделались серьезными и даже злыми.

– Здравая мысль. Ну что ж, пошли к Жене. Пусть сама расскажет.

– О! – вырвалось у Руданского, – разбор полетов... Ну ладно, пошли, коли я уж ввязался в этот разговор.

– Кирюша, ты только не сердись, – мягко сказала Алла, – я же не виновата, что все так случилось.

6

Между тем, Женя и Петр накрыли «стол» и с нетерпением поджидали, когда Алла закончит наконец свой «таинственный» разговор с Руданским. Но когда Кирилл, а он шел первым, уже подходил к палатке, сзади послышался предупреждающий окрик Аллы:

– Женя, ты готова?

Женька бросила взгляд на «суровую» подругу и заразительно рассмеялась.

– Аллочка... Ты как дрессировщик, собирающийся выпустить на арену дюжину тигров. Только я не тигр.

– Но ты ведь все равно расскажешь о своем сне? – строго спросила Алла.

– Да расскажу, успокойся и не делай такое лицо.

– Блин! – вырвалось у Пети, – я же голодный, как волк! А вы со своими снами. Я думал, ты ему уже все рассказала, – обратился он к Жене.

– Пусть Женя сама, – сказала Алла, – это много времени не займет.

Петя горестно вздохнул и, отломив корочку хлеба, стал ее старательно и демонстративно для Аллы жевать.

Женя разгладила на голове волосы, будто это имело сейчас какое-то значение, и сказала:

– Итак, я уснула на маргаритковой поляне...

И тут же, изменив решение, она вдруг стала расшнуровывать кроссовки. Сначала правый, а затем и левый. Ловко стянула обувь с ног, оставшись в белых носках. Кирилл хмыкнул: «Только женщина, идя в горы, может надеть белые носки». Но Женя на «достигнутом» не успокоилась и стащила носки, сунув каждый из них в «свой» кроссовок.

– Вот, посмотри, Кирилл, на мои пальцы, – сказала она.

Руданский удивленно уставился на ноги Жени, не зная, что она хотела этим ему сказать.

– Аппетитные, – вместо журналиста резюмировал Петр.

– Да молчи ты! – цыкнула на мужа Алла, и Петя тут же затих.

Женя погладила ноги ладонью и, ни к кому конкретно не обращаясь, проговорила:

– Когда я проснулась, то сразу же почувствовала боль во всем теле. Но так иногда бывает, если спишь в неудобной позе. Поэтому я даже внимания не обратила на мышечную боль, мол, пройдет. А вот когда мы вернулись к палатке, где нас, вернее меня, ожидали Алла и Петя, по телу пробежала дрожь и слегка начало знобить. Затем... Затем стала подниматься температура, и уже вечером меня трясло, как в лихорадке. Ночь выдалась кошмарной, и мои друзья не на шутку испугались за мое здоровье.

– Так и было, – подтвердил Петр.

– Именно поэтому, – продолжила Женя, – мы «сорвались» с места, как только небо начало светлеть. Ребята потащили меня в больницу. Кажется, ты, Кирилл, ничего этого уже не

знаешь, ибо спал в своей палатке на своей же поляне. И когда утром пришел в гости к нам, то, наверное, сильно удивился, не найдя нас на месте?

– Конечно, – подтвердил Руданский, – даже расстроился.

– Так вот, – сказала Женя, – из-за всех этих напастей, обрушившихся на мою голову, я не сразу обратила внимание на свои ноги. Не до этого было. А вот когда температуру мне сбили, и здоровье пришло в порядок, я, наконец, рассмотрела, что ногти на ногах у меня сделались синими. Откровенно говоря, я вначале перепугалась. Вдруг зараза какая!

Позже, уже когда вернулась домой, в Днепропетровск, они начали отслаиваться. И сейчас на их месте выросли новые. Тогда-то я и задумалась: «А какая причина могла привести к тому, что я сбила до синевы себе ногти?» И где, Кирюша, это могло случиться?

– Ты меня спрашиваешь? – уточнил Руданский, – или сейчас сама с собой разговариваешь?

– Сама с собой...

Женя подняла глаза на Кирилла и вопросительно на него посмотрела.

– Так ведь, Кирилл? Я сбила до синевы ногти лишь потому, что мне пришлось долго ходить с тобой по горам. Это означает, что я вовсе не спала в это время на маргаритковой поляне. Конечно, я и спала, но всего несколько минут, а все остальное время...

– Так, все, хватит! – воскликнул Петр, – надевай свои носки и давайте есть. Я больше терпеть не могу, изнываю от голода.

– А сон... – вырвалось у Аллы.

– Женя расскажет его во время нашей трапезы, – безапелляционно заявил Петр, – надеюсь, то, что мы услышим, не отобьет аппетит. Так ведь, Женя?

Удача

7

– Кудеяр! – закричал во весь голос Василий Корень, – Кудеяр! Радость-то нонче! Да проснись же ты!

Перед Кудеяром стоял его верный поделщик и возбужденно размахивал руками.

– Пошто орешь? – Кудеяр сладко зевнул, сгоняя остатки сна. – Кака така печаль-кручина? Василий Корень на мгновение перевел дух и сел на камень возле атамана.

– Наконец-то нас Господь убаговорил – басурман велел не мешкать, поспешить в Балаклаву...

Кудеяр с силой протер руками виски и расчесал ими грязную черную бороду.

– Ну, ну, молви слово. Яви суть.

– Человек пожаловал в оный град днем. Чужестранец. Однако ж, не впервой хаживает по земле крымской, еси интерес, вели важный.

– Богатый?

– Сам-то нет... Однако ж, басурман сказывал, будто ведает ентот человек тайнами. Де пожаловал-то неспроста. Поди, мешкать не надобно.

Кудеяр строго посмотрел на своего поделщика.

– А коли еси притча тут така? Поставили де турки нам капкан?

– Кудеярюшка, ты зазря не кручинься, басурман не обманет, бо битый!

Конечно, Кудеяр хорошо знал басурмана – это был приземистый старый татарин. Плут, борзый, одним словом, но пока что ни разу не подводивший Кудеяра и Кореня. Пока... Да и басурман считал Кудеяра «своим». Знал, что тот долгие годы жывал на Волге – в татарской вотчине. Видать, чуял, что в крови Кудеяра течет и татарская кровь! К тому же атаман и татарскую речь помнил, и мог как-никак изъясняться с басурманами. Все так. Но турки могли углядеть

связь между последними разбойными нападениями и басурманом. А через него обнаружить и двух русских, хоронившихся на мысе Айя.

– Уж дюже все ладно выходит, – вздохнул Кудеяр.

– Нет, нет, – запротестовал Корень, – ты только не сумлевайся. Басурман вспоминал Аллаха и уповал на Кара, на мзду от нас да и веру в твою ловкость и силу...

Кудеяр хмыкнул. Василий назвал его Карой (черным) – кличкой, данной басурманом ему, Кудеяру, за исключительно черные волосы и такую же смоляную бороду. Ни одного седого волоска! Грозный взгляд добавлял к облику Кудеяра вид настоящего «черного» разбойника. Но так атамана величали лишь татары.

А вот его подельник, с кем Кудеяр перебрался с Волги в Крым, иногда называл его «дырявый». И тому имелось простое объяснение. На левой ладони руки, в самом ее центре, зияла уродливая дыра. Кудеяр никому не рассказывал о ее происхождении, и многие считали ее следствием пыток. Но на самом деле это «родовой след», передавшийся по наследству и доставшийся Косме от его матери. Точно такая же дыра была у ее отца и у ее деда, только еще больше и уродливей. Так что Кудеяр с черной бородой, грозным взглядом и уродливой рукой, в самом деле, производил на многих зловещее впечатление и казался представителем «черных сил». Теперь он совсем не походил на благородного волжского разбойника, который когда-то грабил богатых и раздавал добытое тем, кто бедствовал. И уж точно, никто не мог бы признать в этом человеке князя Глинского, одного из тех, кто помогал Ивану Грозному творить историю России. Жизнь коварна: идет себе, меняя все вокруг. Люди меняются вместе с ней, становятся такими, какими, возможно, они бы никогда не хотели стать...

– Яви мне речи басурмана о чужестранце, друже.

– Он пожаловал на корабле из самой Генуи. С ним баба, чай жена евоная. Одеты по иноземному. Ночевать-почивать будут в Балаклаве...

– И все?

– Да, – сказал Корень, – покуда – все.

– Тако ж чужестранцев в Балаклаве пруд пруди!

– Но басурман говаривал – ентот явился за сокровищами, – выпалил Корень, – он-де знавал его прежде в молодые лета.

– Чужестранца?

– Ну да!

– Ага... Ладно... – глубокомысленно подытожил Кудеяр.

8

Поразмыслив несколько секунд, Кудеяр принял решение идти в Балаклаву по тропе, которую они с Коренем давно натоптали и пользовались для тайного передвижения в купеческую гавань. Конечно, можно было на лошадях поскакать через Варнутку по хорошей дороге или спуститься к морю и на фелюге доплыть до Балаклавского берега. Но нынче это не подходило – нужно было делать все это скрытно, с осторожностью, чтобы не вспугнуть удачу.

Конечно, Корень устал, проделав путь из Балаклавы по горам сюда, на Айя. Но без подельника идти к басурману-татарину Кудеяр не хотел. Мало ли что...

Только к вечеру они добрались в Балаклаву. Кудеяр остался в условленном месте, а Корень прокрался к каменному дому, приютившемуся в ущелье Кефало-Вриси, где и жил татарин. Этот дом достался ему от богатого генуэзца, сбежавшего из Крыма еще до прихода сюда турок в 1475 году. Долгое время он пустовал, но теперь там поселился басурман.

Вскоре он и Корень поспешили по узкой тропе, которая вывела их к подножию горы Спилии. Здесь, у развалины старой греческой хоры, и поджидал их атаман. Завидев Кудеяра, басурман заулыбался и закивал головой:

– Кара, мой рад тебя видеть! Большой удача идет в наши руки. Аллах милостив – решил ублажить мой седин богатым дарами.

Кудеяр кивнул в знак согласия басурману и вместе с ним присел на ствол вывороченного бурей старого тополя.

– Сказывай, старый плут, что тебе ведомо о чужестранце, – сказал он, смеясь. Но глаза атамана оставались такими же непроницательными. И трудно было понять, в самом ли деле атаман шутит или только играет со стариком-татарином.

– Имя ему Вильям, – начал татарин, – давным-давно служил у знатный господин, ливонский барон, здесь у нас, в Балаклаве.

– Ливонский барон жил в Балаклаве? – удивился Кудеяр.

– Да..., – подтвердил старик, – так сложилась у него жизнь. Имя Георгий или Юрге. Родился он во-он в тот крепость, – старик указал рукой на генуэзские башни. Много-много лет прошел – пропал. Потом старый человек стал – опять Балаклава появился.

– Пошто так?

– Люди сказывал, будто в его род был большой-большой тайна и сокровищ в Крыму. Барон ехал к ентот сокровищ. Строить замок во-он на том скал.

– От там? – уточнил Кудеяр, показывая пальцем.

Татарин приподнялся и повел рукой по направлению к морю:

– За Генуэзской крепость.

Кудеяр проследил взглядом направление, куда указал басурман, и заметил на скале, возвышающейся над морем, какие-то развалины.

– Сказываешь, барона хоромы?

– Да, – подтвердил татарин, – люди барона уважал, яко богатый и справедливый человек. Никто ему не говорил «нет». Но один плохой день уважаемый человек утонул в штормящий море. Смерть барона – много-много слухи о больших сокровищ.

Барон жил один. Токмо слуга был в тот замок поведен. Георгий умер, слуга нанял люди и ушел в Мангуп...

Старик замолчал, и Кудеяр никак не мог взять в толк, будет ли он продолжать свой рассказ или говорить больше не о чем.

9

– Тако ты баешь, слуга хаживал в горы за кладом? – наконец спросил атаман.

– Люди уважаемый поведал, – спокойно сказал татарин, – токо слуга на нашел сокровищ. Уплыл из Балаклавы в Геную на корабле – в руках пусто был... Сам видел. Пятнадцать весен миновал. Вот как давно это был! А вчера слуга опять приплыл! Вильям зовут. Требовал карет, говорит, дай ко утро. И куда? На Мангуп! Вильям на торговый корабль приплыл. А купцов на нем нет! И товар – дрянь, худой товар. Корабль Вильям ждять – вернется он Мангуп, сразу поднимать парус и идти...

– Пошто Вильяму надобен сиречь Мангуп? – спросил Василий Корень.

– Мой не знать. Токмо барон Мангуп ездил. Много ездил.

– Знамо дело, – предположил Кудеяр, – тот ливонский барон давеча был связан с Мангупом. Али весь евоный род. Но от Ливонии до Крыма далече. А коли так, то две эти земли повязаны крепко. Так я разумею, Корень?

– Да не все ли едино, Кудеяре! – высказался горячо Корень. – Нонче не то разумение.

– Истинно. Однако ж мой род выходит из Литвы, а она с Ливонией была связана крепко-накрепко. Поди наши рода даже скрестились... Скажи, старик, ты не помнишь фамилию барона?

– Нет, Кара мой, забыл... Мой не мог трудное слово помнить...

– Ну, да Бог с ним, с бароном. Человека давно нет, а мы косточки евоные перемываем. Нам надобно нынче думы слуги прознять. Сможешь? – обратился Кудеяр к басурману.

Татарин только плечами вздернул.

– Тебе, Кара, и так-то все ведомо.

– Хм... Все. Да не все! Нас то обо – два всего. А елико Вильям с собой людей возьмет? Справимся ли мы? Я хочу знать точно, куда отправляется чужестранец и сколько у него людей буде.

– Нет, нет, моя больше ничего не знать! – затряс головой татарин.

Он замолчал, и атаману стало ясно, что теперь не выбить из басурмана ни слова.

– Ладно, – сказал Кудеяр, – ты нам помог. Еси дело справим, тебя отблагодарю, яко давеча. Так гляди ж, помалкивай о чужестранце да о нашем уговоре.

– Так-так, – закивал головой татарин.

– Нонче, – продолжил атаман, – надобно нас вывести отсель до места через Черную речку ко хоромам Чоргунским. А далее мы с Василём пеши справимся. Сдюжишь, а?

Татарин пожевал губами, помолчал, обдумывая просьбу Кудеяра, а потом утвердительно кивнул, мол, ладно.

– Поди и сладили, – обрадовался Кудеяр, – однако ж не забудь нам по лепешке передать. Твоя дочь Фатима вкусные лепешки печет!

Старик только вздохнул.

– Шайтан ты, Кара! Пошто моя тебя не противится?

– Тако старость свою хочешь сытной делати, – во весь рот улыбнулся Кудеяр, – пади, пади же. А Бог даст, свово не упустим.

Глава II

Женин сон

1

Утолив голод, Петя милостиво разрешил:

– Ну, а теперь, Женька, валяй, рассказывай свой сон.

Женя хрустнула напоследок огурцом и, дожевав ломтик копченой колбаски, деланно прокашлялась и предупредила Кирилла:

– Буду говорить только то, что помню. Не перебивай и не поправляй. Потом добавишь, если я где-то ошиблась.

Руданский в знак согласия поднял вверх руки, и Женя стала рассказывать свой сон.

– Вначале мы с тобой прошли поляну, посреди которой стояло одинокое дерево. Возможно, яблоня. Странное место, как мне показалось. А потом пошли по тропе вдоль обрыва. Шли очень долго...

– Постой, постой, – перебил ее Руданский, – мне кажется, ты пропустила начало. Когда упала и расшибла себе подбородок.

– Фу ты! – вырвалось у Жени, – совершенно верно. Вначале я вся разбилась в кровь, и ты прикладывал мне примочки. Я даже дрожать стала... Но потом боль приутихла. Да, да... И ты повел меня на мыс Айя, где стоял дивный храм Святого Духа. Но сильный ветер и снег выгнали нас оттуда, и только тогда мы попали на маргаритковую поляну, а уже с нее – на другую, с одиноко стоящим посредине деревом.

– Согласен, – улыбнулся Кирилл, – теперь продолжай.

– По тропе мы шли очень долго, – стала вспоминать Женя, – что удивительно, на всем протяжении пути нас сопровождал туман. И еще я помню одинокую кукушку, мерно «отбивающую» время. Так ведь?

– О кукушке я уже позабыл, – признался Руданский, – не до нее было.

– Ага... А потом мы пришли к удивительному храму с эхом внутри. Храм был похож на древнеегипетский, и с одной его стороны возвышалась небольшая пирамидка. Кажется, это была чья-то усыпальница? Не помню... Мы с тобой обследовали храм, а затем пошли еще дальше вдоль побережья. И, насколько я сейчас понимаю, дошли до места, где сейчас располагается Балаклава. Там находился еще один храм. Совершенно невообразимого вида, с «тарелкой» на крыше. Его архитектурные элементы я не решаюсь описать, настолько они неожиданные. Просто не с чем сравнить. Кажется, мы в него тоже входили. Но помню смутно. Затем... Ах, да! Вспомнила. Было очень страшно. Мы вышли из храма и хотели обойти его со всех сторон. Но там, с тыльной части... Я не могу понять... Словом, нечто, напоминающее пульсирующее облако, меня очень сильно испугало. Кажется, я закричала от ужаса...

– У тебя случилась истерика, – поправил ее Кирилл.

– У Жени? – удивился Петр, – она всегда такая выдержанная и рассудительная. И вдруг – истерика. Не может быть.

– Мне страшно даже сейчас, – оправдывалась Женя, – когда я вспоминаю ту зловещую дымку. Б-р-р... Ну, а дальше... Кирилл меня оставил одну, а сам пошел к небольшой пирамиде, устроенной на краю обрыва, за которым начиналось море. Его не было очень долго. Мне даже показалось, что эта самая дымка подползла к пирамиде и «поглотила» Кирилла.

Кажется, потом ударил гром, и молния рассекла небо как раз над пирамидой. Я еще раз испугалась. Но потом он все-таки вернулся. Живой...

Женя улыбнулась. И все враз поверили в искренность тех переживаний, которые она сейчас пытается передать внимательно слушающим ее собеседникам.

2

– А дальше, – вступил в разговор Петя, – вы пошли назад на мыс Айя тем же самым путем?

– Да, по той самой тропе, – подтвердила Женя, – лишь в одном месте мы свернули в какую-то балку. Так захотел Кирилл. И вышли через нее в небольшую горную долинку. Там пробыли недолго и вновь по балке поднялись на нашу прежнюю тропу. Но этот «отход» от маршрута мне хорошо запомнился. Ведь в той самой балке существует место, где над тобой, в виде полусферы, возникают поочередно все цвета радуги. И чем ближе мы подходили к красному, тем тяжелее нам было идти. Будто существовала невидимая преграда, не пускавшая вперед. Почему я об этом говорю? Просто позже, уже на мысе Айя, когда мы вернулись, в одном месте я также увидела над головой подобную радугу. Но ее мы проскочили достаточно быстро. Насколько я понимаю, на мысе Айя есть некие Врата, через которые можно попасть туда, куда меня водил Кирилл. И в той памятной балке также есть Врата. А радужная сфера над головой – подобие семи шлюзов, через которые надо пройти. Только вот на Айя нам удалось их преодолеть, а вот в той балке – нет.

Я изъясняюсь понятно?

– Да, – Кирилл утвердительно кивнул головой, – более чем.

– Что же касается моего сна, – добавила Женя, – то я, действительно, уснула на маргаритковой поляне, лишившись последних сил после столь изнурительного путешествия. А сбитые ногти на ногах лишь подтверждают – оно действительно было. И ко сну никакого отношения не имело.

Женя замолчала. Руданский тоже не говорил ни слова. И так все понятно. Отпираться он не собирался. Не было никакого смысла. Но какое значение тот прошлогодний поход имел к

сегодняшнему дню? И почему Алла так настойчиво заставляет Кирилла вернуться к тем, уже давно забытым событиям?

– Ты закончила? – спросил Петр.

– Да. В общих чертах – да... А детали – их можно и опустить.

– Тогда давайте закончим и наш ужин, – предложил Петя, – никто не будет возражать?

Возражений не последовало. И Руданский с жадностью набросился на колбасу. В конце концов, надо же извлечь хоть какую-то пользу от подобного общения с друзьями. Но минут через пять он вновь напрягся, когда Алла вдруг спросила:

– Кирюша, можно тебе задать один бестактный вопрос?

– Можно, – выдохнул Руданский, с тоской посмотрев на недоеденный кусочек колбасы.

– Скажи, пожалуйста, у тебя с географией все в порядке?

– С какой географией?

– Ну, ты в голове, мысленно, хорошо представляешь то расстояние, которое вам с Женей пришлось преодолеть в оба конца, посетив все храмы и Врата?

– В общем... А что?

– А можешь прикинуть, сколько времени вам могло понадобиться, чтобы по горам протопать столько километров, плюс осмотреть храмы, плюс те детали, которые упустила Женя, плюс ее сон на поляне?

– Я не думал, – сознался Руданский, – но много.

– Много! – воскликнула Алла, – я подсчитала и пришла к выводу: вас не было часов пятнадцать!

– Может быть, – уклончиво согласился Кирилл.

– А теперь объясни мне, пожалуйста, как такое стало возможным: вы с Женей покинули нашу палатку где-то в половине третьего дня и ушли на мыс Айя. А вернулись в начале четвертого в весьма изможденном, потрепанном виде. Иными словами – вы отсутствовали минут сорок. Не более!

– И что из того? – спросил Руданский.

– Как что? Вас не было сорок минут, а за это время вы «погуляли» на добрых пятнадцать часов. Да еще Женя и ногти сбила. Значит, гуляли в хорошем темпе. Скажи мне, Кирилл, как объяснить такую явную нестыковку по времени?

– Ах, вот ты о чем... – Руданский улыбнулся, – так ведь места здесь такие. Аномальная зона.

3

– Ага! – победоносно выкрикнула Алла, – значит, мыс Айя представляет из себя некую аномальную зону. Причем, судя по Жениным воспоминаниям, явно искусственного происхождения.

– Аномалия, – согласился с ней Руданский, – здесь присутствует, спору нет. Что же до ее происхождения... Сама думай. Сложное место, возможно, вообще не доступно пониманию.

– Даже так? – удивился Петр, но свою мысль не успел закончить, ибо его опередила Алла.

– Скажи, Кирилл, а ты знаешь о том, что эта аномалия связана с какими-то временными скачками или с «удлинением» времени?

– Уже знаю, – Руданский усмехнулся, – прошлогодний поход с Женей открыл мне глаза на некоторые тайны мыса Айя.

– А до того?

– Я даже не подозревал о связи Времени и мыса Айя.

– Вот как! Получается, вы оба... Но ведь это могло закончиться трагически!

Руданский повел неопределенно плечами.

– Слава Богу, все мы целы...

– Значит, – продолжала Алла, – здесь находится аномальная Временная зона. И ты теперь знаешь, как в нее можно проникнуть и благополучно выбраться назад.

– Получается, что знаю.

– И твой приход именно 3 мая связан напрямую с этой аномальной особенностью мыса Айя?

– Нет, здесь ты не права. Мыс Айя... Словом, он является частью огромной духовной системы под названием Глаз или Око. Данная система представляет из себя круг-Коло, по контуру которого расположены 12 храмов. Два из них мы с Женей обследовали. До одного, находящегося непосредственно на мысе Айя, дойти по «природным» условиям не удалось.

Все вместе взятые эти храмы представляют собой работающий духовный механизм, если так, конечно, можно выразиться. И он напрямую связан с возникновением и «затуханием» Времени как такового. Теперь ясно?

– Грандиозно! – воскликнула Алла.

– Грандиозно... – растерянно повторила Женя.

– И это правда? – осторожно уточнил Петя.

Руданский утвердительно кивнул головой.

– Значит, – предположила Алла, – твои походы сюда, на Айя, напрямую связаны со Временем? – Нет, Алла, – ответил Руданский, – все намного проще. Я занимаюсь расшифровкой древних манускриптов, которые являются частью легендарной Голубиной книги.

– Да? И где же ты их взял?

– Нашел. Так можно сказать. Они спрятаны необыкновенно ловко и являются теперь частью духовной системы Глаза. Одновременно к ним можно добраться, не входя во временную его структуру.

– Я ничего не поняла...

– Более точно на твой вопрос отвечать не буду. Хорошо?

– Ну, ладно. Сейчас это не главное. Продолжай по поводу расшифровки манускриптов. Как ты это делаешь?

Руданский хмыкнул:

– Кабы я понимал природу этого феномена... Образно говоря, происходит нечто, напоминающее мистику. Это настоящее таинство, чем-то похожее на видение.

– Ты через врата Времениходишь в те временные пласты, которые связаны с информацией, помещенной в свитках? – предположила Алла.

– Как бы. Но все равно истина далека от твоей догадки. В прошлом году у меня получилось расшифровать один свиток. Надеюсь, что и нынешней ночью мне повезет. Я взял с собой еще два.

– Да! – в один голос выкрикнули Женя и Алла, – и где они?

– В рюкзаке, который я оставил в своей палатке, – успокоил их Руданский, – с ними ничего не случится.

– Разве такую ценность можно хотя бы на секунду оставлять без присмотра?! – всполошилась Алла и, посмотрев на мужа, строго сказала:

– Петя!

Петр тут же встал, готовый стремглав броситься к палатке Руданского.

– Петя, – сказал Кирилл и тоже посмотрел на Петра.

Тот все понял и тут же сел на место, сказав, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Ничего с ними не случится.

Шулдан

4

Кудеяр и Василий Корень устроили засаду в самом надежном и пригодном для этого месте. Дорога входила в узкую горловину скал, нависающих сверху сплошным массивом. Здесь рельеф местности «заставлял» большак совершать несколько замысловатых поворотов, отчего всадник вынужден был замедлять ход, с осторожностью минуя препятствия. Атаман притаился у самого края нависающей над дорогой (здесь ее называли шляхом) скалы.

В ожидании прошло довольно много времени, пока, наконец, не появилась кибитка, запряженная парой лошадей. Кудеяр ожидал увидеть за ней и соответствующее сопровождение всадников, но таковых не оказалось. Даже сомнение взяло: «Те ли едут?». Кибиткой управлял татарин, а сзади, крепко держась за ручки, стоял молодой слуга. В самой кибитке, судя по ее размерам, могло поместиться два, от силы три человека. Вот и все. Разумно ли отправляться в столь рискованный путь таким малым числом людей? С другой стороны, чем меньше, тем незаметней для любопытных глаз. Есть своя правда в таком замысле Вильяма, если, конечно, в кибитке едет он.

Когда дорожная пыль осела, Кудеяр поднялся во весь рост и внимательно посмотрел по сторонам. Нет, явно за кибиткой больше никто не следовал. А кибитка, как и предполагал давеча басурман, направлялась в сторону Мангупа. Значит, на обратном пути, когда та будет возвращаться с предполагаемым кладом, именно здесь и надо устроить засаду. Теперь Кудеяру оставалось дожидаться вестей от своего подельника, которого он направил в ближайшую татарскую деревушку. Скорее всего, бывший слуга там остановится, и Василий сможет выведать важные сведения о чужестранцах.

Когда солнце уже клонилось к закату, наконец-то появился Корень. Выглядел он уставшим и изнуренным – жара на него плохо действовала. Кудеяр, давно его поджидавший, в нетерпении окликнул:

– Василий! Яко же долго ты не шел!

Корень тяжело сел на траву, росшую в густой тени старого раскидистого дуба, и некоторое время сидел молча, приходя в себя после сложного для его возраста перехода.

– Я их зрел, – начал он, – Вильям – важный человек, евоная баба белоликая да слуга. Добра в кибитке нет. Однако же, Кудеярушка, сумлеваюсь, яко да не Вильям?

– Пошто так-то? – удивился Кудеяр.

– Оне поехали не на Мангуп, – сказал Корень. – Сиречь за деревней кибитка подалась вправо! А там-то Шулдан!

– Шулдан? – переспросил Кудеяр, – Вона чево... Там-то брошенные печерные монастыри. Али запамятовал?

Василий утвердительно кивнул головой, мол, помню! Действительно, когда они с Кудеяром и шестью другими подельниками перебрались в Крым, то вначале поселились на Шулдане.

Хорошо освоили местность, очень удобную для их разбойного промысла во всех отношениях. Но позже, боясь карательных мер со стороны турецкой администрации Балаклавы, Шулдан пришлось оставить и схорониться в глухом лесу мыса Айя.

– Сиречь, клад Вильям схоронил в Шулдане... Вона! – воскликнул Кудеяр, – Кабы мы чуток раньше прознали, ужо б нашли.

– Опричь нас-то, – поправил его Корень, – уже кто другой его раскопал. Поди чужестранец едет на пустое место. Елика на Шулдане людей-то перебивало! Да кожный искал...

5

Между тем, Вильям со своей попутчицей прибыл в означенное место. Они миновали цепь пещерных монастырей и по узкой балке, где едва просматривалась заросшая травой лесная дорога, вышли к внешне совершенно неприметному склону. Рядом журчал полноводный родник, заботливо выложенный ладно подогнанными друг к другу небольшими каменными блоками.

– Это здесь, – сказал Вильям по-английски и глубоко втянул в себя воздух, будто «пробуя» его на вкус. Его спутница – очень красивая женщина тридцати лет бросила оценивающий взгляд на подступающий со всех сторон лес и резко спросила:

– Где же, Вильям?

Вильям помог попутнице спуститься из кибитки на землю и шепнул на ухо:

– Джейн, не волнуйся. Здесь они, здесь. Я чувствую.

Он пошел вместе со слугой к небольшому камню, торчащему из земли у самой дороги. В небольшом углублении имелась вырубленная вручную ниша. Можно было подумать, что когда-то здесь жил старец, изнуривший свою плоть в крохотной нише, где человеку можно было находиться лишь в согнутом положении.

– Приют убогого скитальца, – пояснил Вильям догоняющей его Джейн, – таких пещер на Шулдане имелось в достатке.

– Но нам нужна именно эта? – уточнила Джейн.

– Она самая, – весело подтвердил Вильям.

Он уверенно подошел к скале и нежно провел ладонью по ее гладкой поверхности.

– Старец, который ее долбил, – сказал Вильям, – даже помыслить не мог, что мы устроили в ней схрон, в котором будут находиться сокровища.

Джейн подошла поближе и с любопытством рассмотрела крохотную пещерку. В ней было пусто. Разве тут можно спрятать ларец с сокровищами, чтобы его не было видно? Она поскребла ногой пол, который покрывали слежавшиеся прошлогодние листья. Пол был каменный и явно составлял со стенками единое целое.

– Вильям, ты, наверное, шутишь? – спросила она.

– Нет, – шепнул он ей на ухо и крепко обнял, – не шучу!

А затем громко крикнул слуге:

– Принеси инструмент! Да живо!

Через несколько секунд юноша уже стоял перед своим господином, держа в руках толстый металлический штырь, внешне напоминающий небольшой лом, один конец которого был обрезан, а также довольно увесистый молот. Вильям выхватил у него инструмент и, нацелившись, стал долбить им скалу у самого основания. Вскоре ему удалось «отщепить» от монолита несколько мелких камушков.

Дальше дело двигалось лучше. И Вильям сумел проделать довольно сносное отверстие, напоминающее воронку. Он отложил в сторону инструмент и засунул вовнутрь палец, словно проверяя, нет ли чего интересного в воронке. Очевидно, необходимое он нашел и, вытащив палец, удовлетворенно сказал:

– Я же не мог ошибиться!

Теперь он вставил в отверстие лом и приказал слуге:

– Держи его, только крепко!

А сам взял молот и со всей силы ударил по тупому концу. Что-то зашуршало внутри скалы, и лом вошел в камень, как нож в масло. Еще один удар, и лом уперся во что-то твердое. Где-то звякнул металл, и вдруг с шумом отвалилась потолочина, грохнувшись на слежалые листья.

– Теперь, – приказал Вильям, – тащи штырь назад!

Слуга напрягся и изо всех сил потянул стержень на себя.

И как только металл вышел из каменной глыбы, случилось неожиданное. Сверху, из обвалившейся потолочины, стал быстро опускаться довольно больших размеров ларь, обитый сверху кожей и медными пластинами.

– Ой! – вырвалось у Джейн, – как это возможно?

– Я придумал, – спокойно, со свойственным ему самодовольством пояснил Вильям.

6

Джейн первой подошла к ларю и провела рукой по его холодной крышке, желая удостовериться, что ей не привиделось «явление» клада из пустоты.

– Неси жерди! – приказал Вильям слуге, – и позови татарина. Он нам сейчас понадобится.

Этот схрон достался в наследство барону Георгию, бывшему хозяину Вильяма, еще от Болеслава Разумовского, который и показал принцип его работы. Но сам ли Болеслав его изготовил, либо на то сподобился его родной брат Ян, достаточно долгое время живший на Мангупе, сейчас установить было невозможно. Сам же Вильям прознал о нем от барона. Долгое время этот схрон пустовал. Но когда барон умер, слуга решил воспользоваться спрятанным на Мангупе кладом.

Понимая, что за ним будут следить, и наверняка турки не позволят вывезти сокровища умершего барона из Балаклавы, Вильям поступил со свойственной ему хитростью. С доверенными людьми он скрытно перевез ларь из тайника на Мангупе в пустовавший схрон на Шулдане. И теперь все, кто знал или догадывался о кладе умершего барона, сколько бы ни искали, ничего бы на Мангупе не нашли. А Вильям на корабле преспокойненько убыл из Балаклавы в Европу. И все жители портового местечка видели – он отплыл лишь с небольшой дорожной сумкой. Никаких сокровищ при нем не было.

Спустя годы он, теперь уже в новом «обличии», прибывает в Балаклаву с единственной целью: взять клад. Наверняка теперь никому и в голову не придет узреть в солидном господине из Генуи щуплого молодого человека, жившего когда-то в замке на самом берегу моря. Тем более что турецкой администрации Балаклавы было щедро уплачено за стоянку торгового корабля в бухте. Какие могут быть вопросы к чужестранцу? А его желание познакомиться с окрестностями Балаклавы – вполне естественны. Так многие поступают.

...Слуга принес жерди, и Вильям, взяв одну из них, просунул ее в два правых кольца, расположенных по верхним углам ларя. Таким же образом он поступил и со второй, левой жердью. Получились своеобразные носилки. И теперь достаточно было, чтобы четыре человека взяли жерди за концы...

– Джейн, – обратился Вильям к своей спутнице, – однажды я у тебя спросил, если понадобится твоя физическая сила, сможешь ли ты мне помочь? Ты ответила согласием. Вот сейчас тот момент настал. К сожалению, среди нас нет четвертого мужчины, и я вынужден прибегнуть к твоей помощи.

Женщина сделала удивленные глаза, вздохнула и покорно согласилась:

– Я постараюсь.

– Здесь совсем недалеко до пролетки, – успокоил ее Вильям, – донесем. А если устанешь, то остановимся. Будешь отдыхать, сколько захочешь.

– Но ты же сам сказал, что нам надо торопиться...

– Ну... Это в том смысле... Нас просто не должны здесь видеть чужие люди. Вот и все.

Наконец носильщики дружно взяли за концы жердей и, подставив под них плечи, подняли ларь над землей. Он оказался тяжелым, и Джейн невольно присела.

– Пошли! – скомандовал Вильям.

Вскоре они уже подходили к кибитке, но сразу установить ларь на задник, куда обычно крепятся объемные вещи, не удалось. Джейн, в самом деле, очень устала. Пока его верная спут-

ница отдыхала, Вильям сходил к схрону, вытащил из дыры металлический стержень, выгреб из ниши камни, которыми крепилась потолочина, и набросал сверху прошлогодних пожелтых листьев. Удовлетворившись сделанным, он вернулся к кибитке и предложил спутникам:

– Ну, что, водрузим ларь на приличествующее ему место? Как ты, Джейн?

Женщина молча подошла к жерди и ухватилась за нее, что было силы.

– За это я тебя еще больше люблю, – шепнул Вильям и скомандовал, – взяли!

Аллины откровения

7

– Значит, ты ученый? – предположила Алла.

Руданский рассмеялся.

– Да какой я ученый, просто так жизнь меня повернула.

– Ага, жизнь...

Алла строго посмотрела на мужа.

– Это жизнь так меня повернула, Петя. А ты все ворчишь. Я лично ни в чем не виновата.

– Ну да, ну да, – Петр подхватил игривый тон жены, – не виноватая я, он сам пришел.

– Вот именно – сам.

Лицо Аллы вновь сделалось строгим.

– Знаешь, Кирюша, вот то, что ты сейчас рассказал, я уже целый год в своей голове перевариваю. Ты лишь подтвердил мои собственные догадки. Спасибо тебе, дорогой. Теперь я понимаю, какая же я дура!

– Это факт, – резко отрезал Петр, – понимает, осознает и кается. Обязуется исправиться.

– Прекрати... – огрызнулась Алла.

– Да что – перестань! – вдруг осмелел Петр, – весь год только и говорила: «Какая же я дура, какая дура... Ах, Кирюша, да, ах, Кирюша!» Разве я не прав?

– Прав. Но язвить не надо сейчас. Не тот случай. Мы снова на Айя. И Кирилл подтвердил мои собственные мысли. Это самое главное. Теперь надо идти дальше вместе.

– В каком смысле? – уточнил Руданский.

– В смысле – не по одному, – подал голос Петр.

– Я это понял. Но куда идти?

– Через Врата, – спокойно пояснила Алла, – как в прошлом году ты с Женей ходил.

– Ах, вот оно что...

Кирилл внимательно посмотрел на собеседницу.

– А ты уверена, что вернешься назад целой и невредимой?

– Нет, не уверена. Хотя надеюсь.

– Надеюсь... Вон Женя расшиблась в кровь на самом пороге у Врат. Так ведь она проявила лишь обычное женское любопытство. Ты же, Алла, примешиваешь сюда и свой конкретный интерес. А это чревато.

– Я понимаю, Кирилл. Но хочу, чтобы ты знал. Мой интерес, как ты его назвал, это моя жизнь. И, возможно, жизнь моих предков. Каким-то образом он сфокусирован на мысе Айя. И не отдав себя этому месту сейчас, я не смогу спокойно распоряжаться собственной жизнью в будущем.

– Ты уверена в том, что сейчас сказала?

– Уверена, – твердо ответила Алла.

– Это так, – подтвердил Петр, – она давно помешалась...

– Подожди! – оборвала его жена, – не сейчас. Я очень хочу, чтобы ты, Кирюша, не воспринимал меня как танк, прущий напролом к своей цели, не разбирающий дороги. Это не так. Я не танк. Подожди...

Она нашла в пластмассовом стаканчике минеральную воду и сделала один большой глоток.

– В горле пересохло, – призналась Алла и добавила, – я не танк. Хотя раньше и была будто танк.

8

Между тем, Петр сделал какой-то знак Жене, и они, не сговариваясь, стали потихоньку собирать стол. Но Алла, поглощенная собственными мыслями, даже внимания не обратила на случившуюся перемену. Она уже по инерции допила минералку и поставила пустой стакан на клеенку. Он упал на бок и покатился в сторону Руданского. Кирилл поймал «беглеца» и, взяв в руку, передал его Жене: «На».

– Ты, Кирилл, – наконец сказала Алла, – был сейчас со мной честен и откровенен, как я и просила. В свою очередь, я хочу открыть перед тобой свою душу. Образно говоря, обнажиться перед тобой. Ничего не говори. Ничего! Это мне самой сейчас очень надо. Прошу выслушать, а, по возможности, понять меня. Хорошо?

– Хорошо, – сказал Кирилл, хотя совершенно не представлял, зачем ему надо выслушивать Аллины излияния.

Петя подмигнул Жене: «Пошли». И они деликатно скрылись за палаткой, дабы не мешать Алле. Но та, словно уловила порыв мужа, довольно громко сказала:

– Петя и Женя, вы здесь не лишние! Я очень прошу вас присутствовать при нашем разговоре.

– Ну, ладно, – согласился Петр и уселся на прежнее место.

Тут же к нему присоединилась и Женя. Алла, выждав несколько секунд, сказала:

– Когда я была маленькой, мне несколько раз снился один и тот же сон. Будто бы я держу в руке широкий медный обруч, на котором написано одно слово: «Время». И языком пытаюсь слизать липкую противную грязь, прилипшую к обручу в одном месте. Но сколько бы я ни лизала, грязь все равно оставалась. Это приводило меня в отчаяние.

Конечно, я тогда не могла понять всей символической значимости сна. Прозрение пришло гораздо позже. Но и до последнего времени мне не открывалась та глубина сна, познать которую я стремилась все последние годы. Лишь познакомившись с тобой, я начала понимать, что значит та грязь и как лично я связана со словом «Время».

Когда я выросла, у меня начали развиваться интуитивные способности. И я старалась их улучшать всеми доступными для меня способами. Однажды, в видении, я получила информацию, что мне надо найти какие-то сокровища, камни-самоцветы, находящиеся в Крыму. С тех пор мы втроем, вместе с Женей и Петей, регулярно приезжаем в Крым и несколько месяцев в году ведем поиски драгоценных камней. Однажды, в видении, я узрела какую-то древнюю картинку: греческие монахи в какой-то примитивной копи добывали самоцветы. Причем происходило это в Крыму. Понятное дело: мы удвоили свои усилия в поисках камней.

В прошлом году я тебе даже немного рассказывала о наших изысканиях. Скажу сейчас, что ни к чему они не привели в том виде, который я изначально себе представляла. Ребята тебе подтвердят: никаких сокровищ мы не нашли.

Зато я нашла тебя, Кирилл, а ты вывел меня на медный обруч со словом «Время».

– Так уж вывел! – возразил Руданский. – Неужели ты думаешь, что твой детский сон имеет какое-то отношение к древней системе Глаза?

– Я просто уверена в этом. Не случайно меня вывели на мыс Айя. Не случайно я встретила тебя. Только вместо Жени ты должен был взять с собой меня. К сожалению, в прошлом году я не прочувствовала ситуацию, не поняла ни тебя, ни твоей работы. К сожалению...

9

– Ты об этом уже говорила, – подал реплику Петр.

– Да, я волнуюсь и потому повторяюсь. Извините. Так о чем я? Да, о медном обруче со словом «Время» и о сокровищах, которые я должна разыскать. Мне кажется, что где-то здесь, на мысе Айя, есть точка, где камни-самоцветы связаны со «Временем». Я говорю сейчас путано, главное, чтобы ты уловил мою главную мысль.

Иными словами, если ты, Кирилл, проведешь меня через Врата Времени, я обязательно отыщу сокровища.

– Да? – скептически спросил Руданский, – и ты их собираешься взять?

– Нет, конечно. Теперь-то я умная. Просто найдя их, я должна каким-то образом понять, как мне половчее слизать-таки липкую грязь с обруча.

– А зачем? – не понял Руданский.

– Зачем? – удивилась Алла, – это мое предназначение. Я должна отработать то, что когда-то не выполнили мои предки.

– Не понял...

– Ну, ты о карме рода слышал?

– Слышал. Только я, признаюсь, не очень-то во все это верю.

– А напрасно. Ты что, думаешь, что сам здесь на Айя оказался случайно?

– Конечно! – воскликнул Руданский.

– Да нет же, Кирюша! – Алла потерла указательным пальцем лоб и уже спокойным голосом продолжила, – впрочем, это тема совершенно иного разговора... Так вот, мне суждено стереть какую-то грязь, прилипшую к моему роду. Очевидно, речь идет о грехе, совершенном одним из моих предков. По крайней мере, я так полагаю.

– Ну, хорошо, пусть так, – согласился Руданский, – но причем здесь твои многолетние поиски конкретных сокровищ и конкретных копей, в которых они добывались?

– Не знаю... Может быть, для того, чтобы во мне проснулась страсть к поиску, желание обязательно разыскать клад и стать богатой. И я пошла по этому пути. Но после произошла подмена конечной цели.

– Кем?

– Не знаю... Кирилл, я многое не знаю и многое не понимаю. Меня моя интуиция, действительно, ведет к цели. Только я иду на ощупь, с закрытыми глазами. А прозрение нередко наступает слишком поздно.

– Да..., – протянул Руданский, – накрутила ты... Уж и не знаю, как поверить твоим словам.

– Но я ведь поверила тебе, что ты нашел древние манускрипты. А также в твою удивительную способность считывать с них информацию, которую ты сравниваешь с мистерией.

– Сравнила! В твоём рассказе полно допущений. А мои манускрипты можно потрогать руками, они реальные.

– Но ведь и я реальная. И меня тоже можно потрогать руками.

– Ну, Алла, ты даешь! Я об одном говорю, а ты совершенно о другом.

– Пусть так. Ты меня не понимаешь. Но можешь ты для меня сделать подарок?

– Ты хочешь пойти со мной во Врата? – догадался Кирилл.

– Конечно. А там, если я права, и мои догадки верны, все прояснится само собой. По крайней мере, для меня.

Руданский задумался. Конечно, он пришел на Айя ради расшифровки свитков. И ему обязательно надо пройти через Врата. Как в прошлом году. Но зачем ему хвост?

С другой стороны, Женю-то он водил, и ничего.

– Ладно, возьму, – согласился Кирилл, – а то ты еще с ума сойдешь, если не попадешь во Время. Только я подумаю, взять тебя туда в 3 часа ночи или в 3 часа дня.

– А это важно? – осведомилась Женя.

– Не знаю..., – в тон Алле сказал Руданский, – пока не знаю.

Глава III

Вильям и Джейн

1

Предприятие Вильяма явно удавалось. Пока все шло хорошо. Никем не тревоженные чужестранцы в приподнятом расположении духа возвращались в Балаклаву. По расчетам Вильяма они должны вернуться в порт еще засветло и, сходу перегрузив ларь на корабль, тут же выйти в море.

Их кибитка весело пылила по дороге, ведущей к чернореченскому мосту. Вскоре слева должна показаться сторожевая башня Чоргуни, стерегущая все подходы к переправе через реку. А дальше – до Балаклавы рукой подать.

– Скажи, Вильям, – спросила Джейн, – что там, внутри? Почему ты не разрешил мне хоть на чуть-чуть приоткрыть крышку ларя?

– Нет-нет, не сейчас, дорогая. На корабле, когда мы с тобой будем в полной безопасности.

– Ну... мне так хотелось хотя бы одним глазком взглянуть, неужели он доверху забит драгоценными камнями?

– Не доверху, но большая часть ларя заполнена самоцветами. Это я хорошо помню.

Джейн глубоко вздохнула и прижалась к плечу Вильяма. Но уже ближайший ухаб отбросил их в стороны, заставив вспомнить, что они находятся в чужой стране, на дороге, которая изобилует опасностями и неожиданностями.

– Вот, как были здесь дрянные дороги, так и остались! – в сердцах чертыхнулся Вильям, – годы прошли, а в Крыму ничего не изменилось к лучшему.

– Ничего, милый, главное мы с тобой уже совершили. Вскоре мы забудем о Крыме навсегда. Так ведь?

Вильям прижал спутницу к себе и поцеловал ей глаза.

– Нет, Джейн, Крым я никогда не забуду. Я здесь прожил, может быть, самые счастливые годы своей жизни.

– Молодой был, – поправила его Джейн, – а молодости свойственно романтизировать прожитое.

Бывший управляющий ничего ей не ответил. Пусть думает, как хочет. В конце концов, каждый человек имеет право на собственное мнение. Главное не в этом.

Он, Вильям, действительно прожил в здешних местах несколько счастливых лет. И все благодаря своему хозяину, Юргену фон Эберлайнену, которого местные турки и татары называли барон Георги, или просто – господин. Именно он, Юрген, владелец обширных поместий и величественного замка в Ливонии на берегу Балтийского моря, предложил Вильяму переселиться в Крым с хозяином. Для прозябающего в нищете молодого британца это был отличный шанс «выбиться в люди». И Вильям его не упустил. В конце концов, служба у Эберлайненов становится традицией их фамилии.

Еще его отец, Джозеф, в молодые годы служил у старого Густава Эберлайнена. И вместе с его дочерью, Софией, переехал из Ливонии в Крым (тогда называвшийся Тавридой) и проживал на Мангупе в княжестве Феодоро. Но обстоятельства заставили его рано покинуть Мангуп и переехать в Польшу, куда его отослал Ян Разумовский, муж Софии. Гораздо позже родной брат Яна, Болеслав, свел Джозефа с Юргеном. Так Джозеф снова оказался в Ливонии, где и закончил свои годы на брэнной земле. К сожалению, он, выходец из знатного, но давно обедневшего британского рода, так и не сумел сколотить состояние, позволяющее вернуться на Родину не в качестве бедного пасынка, а представителя рода, претендующего на многое.

Теперь это «многое» предстояло добывать собственными руками его младшему сыну – Вильяму, родившемуся тогда, когда Джозеф уже жил в Ливонии.

2

Вильям знал, что Эберлайнены необыкновенно богаты. К тому же Юрген, умевший оценить преданность и служебное рвение, мог щедро наградить. Так не все ли равно, где попытаться разбогатеть – в Ливонии или в Крыму? И Вильям со всем жаром своего молодого сердца стал помогать барону.

Немало сил он положил на сооружение замка близ старой гемуэзской крепости. А скольких трудов стоило ему наладить добрые отношения с турками и татарами, нередко с большим недоверием посматривавшими на чудного барона Георга и его шустрого управляющего! Но все трудности и неурядицы жизни в Балаклаве не могли сравниться с теми, поистине сказочными днями, когда Юрген брал Вильяма в горы.

Но они не только выезжали на охоту либо полюбоваться здешними красотами. Существовала еще одна причина, главная, заставлявшая трепетать сердце Вильяма. Барон возил его в тайные схроны, где держал свои сокровища, дабы пополнить кошелек: росли расходы на содержание замка и прислуги, подарки турецкой администрации, прием гостей из Ливонии и пожертвования Георгиевскому монастырю.

От самого вида таких несметных богатств у молодого человека голова шла кругом. И он не раз задавался вопросом: «Каким образом Эберлайнены заимели столько самоцветов?». Но еще при первом посещении главного хранилища на плато Мангупа, устроенного в алтаре древнего пещерного храма, барон предостерег Вильяма от любых расспросов о происхождении сокровищ. И добавил: «Запомни, они заговоренные. Могут принести обладателям много горя».

Вильям не знал, как относиться к словам своего господина, но втайне надеялся, что когда-нибудь, расщедрившись, тот отвалит ему добрый куш. В конце концов, не в могилу же свою их положит стареющий барон. Зачем ему драгоценные камни и золото на том свете? Как бы там ни было, но свое «законное» жалованье Вильям получал исправно. И по совету Юргена хранил всю накопленную сумму в банке святого Георгия в Генуе. Для надежности и лучшей сохранности нажитого.

Но в один день все в жизни Вильяма переменилось. Однажды осенью барон, спасая жизнь одному молодому рыбаку, утонул в штормящем море. Его похоронили здесь же, рядом с замком, который вмиг «осиротел», как и пятеро слуг, все эти годы жившие с Юргеном фон Эберлайненом. Перед Вильямом встал вопрос: «Что делать дальше?». По завещанию Юргена слуги должны были вернуться в Ливонию. А он сам волен поступать, как заблагорассудится. Но существовал еще тайный уговор.

Именно по нему Вильям, в случае внезапной смерти своего господина, должен был перепрятать ларь с сокровищами, хранившийся на Мангупе, в одном из более надежных и укромных схронов, о которых бы никто не знал (речь в первую очередь шла о родственниках из Ливонии). В конце концов, Вильям так и сделал. Хотя... И здесь поступил по своему разумению. Вместе со слугами он спрятал сокровища на Шулдане. А когда слуги убыли в Ливонию,

то с одним доверенным человеком перепрятал ларь в другой схрон, находящийся рядом, но о существовании которого, кроме него, никто не знал.

Логика его действий понятна. Теперь он фактически становился хозяином баснословного богатства. Осталось лишь улучшить минуту и прибыть на корабле в тихую Балаклаву. Но это потом, потом...

Скитаясь по Европе, Вильям познакомился с авантюристкой Джейн. Женщину небесной красоты он полюбил сразу. И надо признать, красавица вскоре ответила ему взаимностью. Теперь они путешествовали вместе, перебираясь из одного города в другой. Но здесь, в Европе, счастье Вильяму явно не улыбалось. Деньги таяли, а новые не прибавлялись. И однажды он рассказал любимой о кладе, который он оставил в Крыму. К тому времени уже прошли годы, и Вильям надеялся, что его в Балаклаве уже никто не помнит. Плыть в Крым они решили вместе.

3

Джейн снова крепко прижалась к Вильяму и прошептала:

– Я люблю тебя, милый.

– Я тебя тоже, – ласково ответил бывший слуга из замка Юргена фон Эберлайнена, хорошо осознавая, что теперь богатство барона не только укрепит их любовь, но и гарантирует блестящие перспективы в Европе.

Неожиданно кибитка стала ехать тише, а затем и вовсе остановилась. Вильям выплянул в окно и крикнул по-татарски:

– Что случилось?

– Камень на дорогу упал, – ответил возница, – очевидно, с горы скатился.

– Объехать можешь? – спросил Вильям, – или нам надо выходить?

– Смогу, господин, – пообещал татарин.

Он поворотил лошадей влево и стал аккуратно объезжать скатившийся с крутого склона валун. Кибитка увязла колесами во влажной земле, но сильные лошади вытащили ее на крепкий грунт, и уже через мгновение татарин был готов мчаться дальше в родную Балаклаву. Солнце к тому времени уже заходило за горный кряж, который высился чуть правее порта, напоминая о приближающихся сумерках. Надо торопиться.

– Что там, – в голосе Джейн проскользнули тревожные нотки.

– Не волнуйся, милая, успокоил ее Вильям, – камень упал на дорогу, в здешних местах это не редкость.

Неожиданно кибитка остановилась, а татарин, который должен был стегать лошадей и гнать их домой, почему-то не спешил ни голосом, ни кнутом их подгонять. Вильяму показалось, что сзади, за кибиткой, раздался сдавленный стон, будто его слуга поранил руку и застонал от боли. Между тем кибитка не двигалась, и Вильям обеспокоенно высунул голову из окошка:

– В чем дело, почему стоим?

В это мгновение он увидел возницу, который лежал посреди дороги, распростерши в стороны руки. В шее у него торчала стрела, и кровь капала из раны прямо в пыль.

– А как же слуга, – мелькнула мысль, но Вильям не успел обернуться назад и посмотреть, чем занимается его слуга.

В этот момент какой-то здоровенный мужик с черной бородой выскочил из ближайшего кустарника с арбалетом и нацелил его прямо в голову Вильяма. Тот в мгновение покрылся холодным потом, который стал тонкими струйками скатываться на глаза, и осторожно нащупал рукой свой арбалет. Он готов был тут же выхватить его и первым выстрелить в нападавшего.

– А-а-а, – вдруг закричала Джейн, – Вильям, помоги мне!

С шумом распахнулась противоположная дверь кибитки, и на Джейн буквально свалился еще один человек.

– Выходи! – громко по-татарски крикнул бородач, – и не вздумай дурить. Враз твою бабу убьем.

Джейн затихла, и Вильям понял, что ей заткнули кляпом рот. Что же делать? Уже одно то, что их сразу не убили, было хорошо. Есть надежда откупиться. В конце концов, на них напали обыкновенные грабители, которые понятия не имели ни о Вильяме, ни о грузе, им перевозимом. Надо лишь проявить выдержку и спокойствие.

Вильям открыл дверцу и выпрыгнул из кибитки. Краем глаза заметил лежащего на дороге слугу с торчащей из груди стрелой. И камень, который они с таким старанием объезжали... Все одно к одному. Бородач точным движением уложил Вильяма на дорогу лицом в пыль и сильно надавил на спину коленом. Затем отложил арбалет в сторону и, вытащив из-за пояса веревку, крепко-накрепко связал ему сзади руки. А следом обмотал ноги.

– Поди, готов, – послышался голос.

И Вильям понял, что сейчас с ним говорят по-славянски. Но что в этом мусульманском краю делает славянин? Возможно, это русский, бежавший из татарского или турецкого плена? Тогда с ним наверняка можно договориться. Ведь в Балаклавском порту Вильяма ждет корабль, на котором можно отплыть в любой момент.

Забросив пленников обратно в кибитку, разбойники быстренько убрали с дороги возницу и слугу, отволокли на обочину камень-валун. Так, теперь путь свободен. Не скоро в колючем терновнике разыщут два обглоданных зверями и птицами трупы. А чужестранцев кто вообще бросится искать?

Василий Корень уместился на месте возницы и, щелкнув кнутом, погнал лошадей к чернореченскому мосту. Кудеяр встал сзади, где прежде был слуга. Теперь, главное, успеть по светлу проскочить до поворота и свернуть на дорогу, ведущую через горы в Байдарскую долину.

Золотой стержень

4

– Теперь, – сказал Руданский, – я вынужден покинуть вашу честную компанию и отправиться в свою палатку. Вы уж извините... Да! Если вдруг я захочу взять с собой Аллу, то приду ночью и разбужу ее.

– В палатку? – уточнила Женя.

– Что, в палатку? – не понял Кирилл.

– Взять в палатку?

– Нет, во Врата, – успокоил Женю Руданский.

– Значит, ты сейчас уйдешь? – Алла вопросительно взглянула на журналиста.

Кирилл посмотрел в большие Аллины глаза, и ему стало жалко эту женщину. Она явно не хотела отпускать Руданского от себя. Конечно, тому, наверное, были причины, но идти ему все равно надо.

– Не расстраивайся, я должен вас покинуть.

– погоди! – Алла протестующе подняла руку, – я хочу сказать еще одно... вернее, хочу показать одну вещь. погоди. Я сейчас.

Она быстро, но изящно, словно для нее было важно подчеркнуть грациозность каждого своего движения, поднялась и, сделав несколько шагов в сторону палатки, достала из нее рюкзак. Порылась в нем и вынула какой-то пластмассовый футлярчик, очевидно, для хранения авторучек. Он был перевязан обыкновенной аптечной резинкой, и Руданский невольно улыбнулся, представив, что Алла хранит под этой черной резинкой какую-то чрезвычайно важную для нее вещь.

– Вот, Кирюша, – сказала она, – посмотри.

Алла протянула футлярчик, и в этот момент рука у нее дрогнула, и он чуть было не упал в траву.

– Ой! – всхлипнула Алла и незаметно, как ей показалось, вытерла пальцем уголки глаз.

– Так! – в дело вмешался Петр, – а ну-ка дай сюда стержень!

Он протянул руку и взял футлярчик из рук жены.

– А теперь, – продолжил он, – мы перестали разводить нюни и успокоились. Хорошо?

Алла утвердительно кивнула головой.

– Это я так... расчувствовалась...

– Я понял, – спокойно сказал Петя, – все мы люди, все подвержены влиянию различных воспоминаний. Очень прошу, держи себя в руках. Если ты здесь, среди нас, начинаешь всхлипывать и ронять слезу, то какой толк от тебя будет там, во Вратах, куда ты собралась идти с Кириллом.

– Извините..., – ни к кому конкретно не обращаясь, сказала Алла, – секундная потеря самообладания. Больше такого не повторится.

Жене стало жалко подругу, и она набросилась на Петю.

– Петр! Ты не забывай, что она все-таки женщина!

– Я и не забываю, – холодно отрезал Петя, – только ТАМ это никакого значения играть не будет.

– Он прав, – сказала Алла, – не будет. Надо только уметь сдерживаться.

5

Она взяла из рук мужа футлярчик и твердой рукой протянула его Руданскому:

– Возьми.

Кирилл машинально принял довольно увесистую вещь:

– Ого, да он тяжеленький! – невольно вырвалось из его уст.

– Открой и посмотри, – уже совершенно спокойным голосом предложила Алла.

Руданский сдернул резинку и открыл футлярчик. Внутри него лежал какой-то желтоватый стержень в палец толщиной и около 15–17 сантиметров в длину. Кирилл не решился прикасаться к нему рукой и перевел вопросительный взгляд на Аллу.

– Бери, бери, – она поддержала порыв Руданского.

И журналист, больше не раздумывая, аккуратно вытащил стержень и положил себе на ладонь.

– Нравится? – полюбопытствовала Женя.

– Нет, не то..., – поправил ее Кирилл, – какое-то другое чувство у меня появилось. Как сказать... Сопричастность с чем-то древним. Очень необычный стержень. Из чего он сделан? Это медь?

– Золото, – спокойно констатировал Петр.

– Золото? – удивился Кирилл. – Стержень золотой? Погодите, погодите...

Кирилл несколько раз приподнял и опустил ладонь, на которой покоился стержень.

– Да, здесь граммов четыреста, а то и все пятьсот!

– 395, если быть точным, – сказал Петр, – только не весом измеряется эта вещица, а как ты правильно выразился – древностью своей.

– Алла! – обратился он к жене, – ты готова рассказать о том, как мы добыли эту реликвию.

Алла утвердительно кивнула головой и, взяв стержень из рук Руданского, аккуратно уложила его на прежнее место. У Кирилла даже сложилось впечатление, что дневной свет может повредить старинный золотой стержень. Журналист протянул Алле резинку, и та, сделав ловким движением петлю, стянула ею створки футляра.

– Начинай же, – не выдержала Женя.

– Два года назад, – сказала, наконец, Алла, – мы вместе с ребятами приехали в очередной раз в Крым. К тому времени мы уже облазили огромные горные массивы в поиске копален, но все безрезультатно. И вот, представь себе, занесло нас на ночевку в район Мангупа. Понятно, что копален в таком оживленном месте, где еще могут оставаться жилы с драгоценными камнями, быть не может. Так что мы, признаюсь, рассматривали Мангуп лишь в качестве промежуточной стоянки. И вот, снится мне сон. Я явственно вижу с высоты птичьего полета весь Мангуп с прилегающими долинками. И вдруг, совсем рядом, разрушенное старое место. Лишь один или два дома в нем и осталось. И вдруг, во сне, мне голос говорит: «Иди туда!».

– Мистика! – констатировал Руданский, – впрочем, продолжай.

6

– Еще раз мой взгляд «прошелся» по старым, едва различимым развалинам. И вдруг, в одном месте, возле большого дерева, я различила остатки печи. Очевидно, здесь был дом, но фундамент «ушел» под землю, а печь сохранилась. Я смотрю на нее, смотрю... А дальше все пропало. Утром я рассказала Пете о странном сне, и он предложил прогуляться к тем развалинам. Раз уж мы оказались рядом, то почему бы и не сходить? Если же мой сон всего лишь сон и никаких развалин в том месте нет – тоже хорошо. Значит, еще один район мы отработали. Да! Женья долго сопротивлялась. Никак не хотела идти с нами. Еле уговорила.

– Так и было, – согласилась подруга, – еле уговорили.

– Ну вот, – продолжила Алла, – собрались мы и пошли. Я хорошо запомнила место и дорогу, ведущую туда с Мангупа.

Шли недолго: час или полтора. К моему удивлению, действительно вышли на хуторок с двумя домишками, за которыми виднелись едва различимые холмики. Мы прошлись по ним и стали угадывать остатки фундаментов бывших когда-то здесь строений. И вдруг, в одном месте, возле старого дерева, действительно различили что-то, напоминающее печь.

– Я ее нашел! – вставил слово Петя.

– Да, Петр ее отыскал, – подтвердила Алла, – хотя я ему о печи ничего не говорила. А потом... мне вдруг в голову пришла мысль разобрать печь. Вдруг она связана с какой-то тайной? Не случайно же во сне я так упорно на нее смотрела. У Пети была с собой саперная лопатка...

– Она всегда со мной, – поправил жену Петр.

– ...и он стал разбивать остатки печи. Надо сказать, что кладка выглядела совершенно трухлявой, и Петя быстро справился с тем, что еще можно было до нашего прихода назвать печью. И представь: он нашел небольшой глиняный горшок, горлышко которого было замазано спекшейся глиной. Разбив его, мы нашли внутри ислевшие бумаги, которые абсолютно нельзя было прочесть, несколько побрякушек из серебра и вот этот стержень. Конечно, он сразу привлек наше внимание.

Уже дома мы смогли провести лабораторные исследования и установили, что он золотой. Причем золото какой-то совершенно необыкновенной пробы. Как заверили нас ювелиры, ничего подобного сейчас не изготавливается. Но это так, технические подробности – мы их сейчас отставляем в сторону. Главное в другом: когда берешь этот стержень в руку, сразу чувствуется, какой он старый. Кроме того, энергетика его необычайно сильная. Уже дома, анализируя сам факт моей находки, пришла к следующему выводу. Меня «привели» на Мангуп и далее в то разрушенное сельцо вовсе не случайно. За всем этим скрыта мне неизвестная тайна.

И я подумала: а не связан ли как-то данный стержень с прошлым моего рода? И когда в прошлом году мы вновь оказались в Крыму, то я уговорила ребят хотя бы на часик заскочить на хуторок, который прилепился к остаткам бывшего сельца. Так мне удалось узнать его название. Вернее, бывшее название – Адым Чокрак. И, уже вернувшись домой, на Урал, я выяснила, что один из моих родственников, приходящийся родным дядей моему отцу, действительно жил в

Крыму, в селе Адым Чокрак. Во время Великой Отечественной войны он был убит немцами, а дом его сожжен.

Насколько я теперь понимаю, я обрела реликвию, которая на самом деле принадлежала моему роду. Обрела таким необычным путем. Теперь оставалось поставить знак равенства между золотым стержнем и сокровищами, которые я безуспешно разыскивала в Крыму, и связать все это с кармой моего рода, в которую ты, Кирилл, к сожалению, не веришь. И добавить мой сон из детства с медным обручем, с коего я безуспешно слизывала грязь.

– Теперь понятно, зачем ты взяла на Айя золотой стержень, – сказал Руданский. – Только не могу взять в толк, что ты с ним собираешься делать во Вратах? Если даже найдешь сокровища, о которых мечтала. Или, быть может, ты с помощью этого стержня и собираешься их разыскать?

– Почти, – уклончиво ответила Алла, – мне кажется, он может там сыграть очень важную роль, – и добавила, – для нас двоих.

Отвращение

7

Прошло больше месяца с того дня, когда Кудеяр со своим поделщиком выследили и захватили чету пройдох, прибывших в Балаклаву на торговом корабле. Поскольку дело разбойники провернули весьма успешно, то теперь ларь с драгоценными камнями находился в их логове на мысе Айя, в одной из скрытой от постороннего взгляда пещере. В другой пещере, расположенной поблизости от схрона, томились и сами герои, Вильям и Джейн. Они, как полагаются узникам, сидели на привязи, и теперь их дальнейшая судьба полностью зависела от воли Кудеяра.

Однако атаман, пожалевший в первый момент чужестранцев, нынче пребывал в нерешительности, не представляя, как поступить с невольниками. С одной стороны, лишние рты ему явно были не нужны. К тому же изнеженные европейцы не протянули бы долго в тех условиях, в которых их содержали разбойники. Оставалось одно из двух: либо убить, либо отпустить.

Но во всяком случае они получали возможность рассказать о случившемся турецким властям, пообещав половину содержимого ларя, если те вернут сокровище. В таком случае уже Кудеяр и Корень могут подвергнуться смертельной опасности. Оставалось одно – убить. Но рука у атамана не поднималась. Вначале главной причиной было элементарное чувство сострадания к двум любящим друг друга людям, так неосторожно попавшимся двум прожженным грабителям. Но потом...

Потом суеверный страх все больше и больше накатывал на Кудеяра, и он просто не смел поднять руку на чужестранцев. Причина, мешавшая ему исполнить то, что он проделывал с легкостью сотни раз, таилась в самом ларе. Когда Кудеяр и Василий Корень открыли его, то чуть было не лишились рассудка. Никогда в жизни они не видели таких несметных богатств! Кудеяр даже подумал, что теперь за счет этого добра можно снарядить целую армию. А потом, например, пойти в Россию, где его помнят как благородного разбойника, и поднять матушку-Русь против Ивана Грозного. Тот ведь никак не ожидает удара со стороны Кудеяра и наверняка не будет готов противостоять безудержному натиску атамана...

Но уже через несколько дней после захвата чужестранцев случилась первая неприятность, напрямую связанная с сокровищами. Василий Корень отнес старику-татарину в знак благодарности за помощь добрую горсть драгоценных камней. Для того это было целое состояние! Понятно, что старик необычайно обрадовался. Но сутки спустя в его доме неожиданно случился страшный пожар, который унес жизнь его любимой дочери Фатимы. Татарин не

выдержал горя и сошел с ума, а потом долго еще видели несчастного отца, разыскивающего на улицах Балаклавы свою дочь.

В эти же дни Кудеяр и Корень спустились на побережье Ласпинской бухты. Здесь проживал один надежный человек, коему разбойники изрядно задолжали за мелкие услуги, которые тот оказывал им на протяжении длительного времени. Теперь разбойники вернули долг сполна. Но не прошло и двух дней, как злые люди напали на этого человека и вырезали всю его семью.

Смутная тревога охватила атамана. Но разбойники не могли не пустить сокровища в дело, и потому Кудеяр и Корень сошлись с перекупщиками краденного недалеко от Чоргуня. И здесь на них, чего ранее никогда не случалось, напали лихие люди! Разбойники едва сумели отбиться и ушли в горы. Василий Корень был ранен и с огромным трудом один добрался до мыса Айя. Теперь уже сам Кудеяр сбывал драгоценности. Но сколько бы раз он ни пытался поменять камни на пищу, необходимую им для проживания, все его попытки оказывались безуспешными.

И вот тогда атаман впервые подумал о необычных свойствах содержания ларя. Уж не заговоренные ли те самые камушки?

8

С этим вопросом Кудеяр подступил к Вильяму. Но тот долгое время хранил молчание, не желая открывать разбойнику тайны ларя. И вот однажды не выдержал и сознался, что камни и впрямь заговоренные. Кем и когда – неизвестно. Вильям знал только, что его бывший хозяин, Юрген фон Эберлайн, утверждал: беда ждет того, кому они попадут. Кудеяр хотел возражать, мол, сам же хозяин Вильяма прожил долгую и, скорее всего, счастливую жизнь. «Впрочем, – подумал он, – заговор на него мог и не действовать, коли он законный владелец сокровищ».

Вот именно сейчас случай с самим Вильямом и его подружкой, а теперь уже и с Кудеяром ясно показывал – правду барон говорил. Теперь становилось ясно, почему он хотел на веки вечные спрятать сокровища в одном из схронов, дабы никто и никогда их не нашел. И если бы не алчность бывшего управляющего...

Кудеяр еще долгое время находился под впечатлением от разговора с Вильямом. Даже подумал: «А не дан ли ему самому этот ларь как Божье наказание за годы разбойничьей жизни? И, быть может, Господь таким необычным путем пытается остановить Кудеяра, не позволяя дальше творить на земле зло?». Душа его была в явном смущении, но еще понадобился не один день, чтобы атаман полностью осознал порочность многих своих поступков.

Однажды, когда уже не осталось у разбойников ни ломтика лепешки, Кудеяр набрел на тихое, уединенное место, что покоилось под теплым весенним солнышком рядом с поляной, усеянной маргаритками. Он молча опустился на колени и стал каяться перед Господом, вспоминая всю свою непутевую жизнь. Вспомнил он все свои злодеяния и всех загубленных им людей, все, что накопилось за долгие годы...

На следующий день Кудеяр вновь пришел на это же место и вновь упал на колени и горячо просил у Господа прощение за свои прегрешения; так поступил он на следующий день и еще... Теперь его жизнь заключалась только в одном – искреннем, полном раскаянии в совершенных грехах. Однажды, вернувшись в пещеру после очередного покаяния, Кудеяр подошел к ларю и рывком открыл его крышку, затем запустил руки в массу драгоценных камней, стараясь проникнуть как можно глубже. Самоцветы кололи, резали пальцы своими острыми краями и...

Кудеяр почувствовал, как он ненавидит этот ларь и каждый его камушек. Ненавидит так, словно перед ним не драгоценности, а огромный клубок ядовитых гадюк, шипящих и жалящих своими ядовитыми зубами. Впервые в жизни он испытал такое отвращение к богатству, которое даже нельзя было счесть. Выдержав и брезгливо отряхнув, как от грязи, руки, Кудеяр закрыл крышку ларя и защелкнул щеколду.

9

Вскоре заболела Джейн. Женщина не вынесла тех условий, в которых их содержали разбойники. Кудеяр сам делал ей отвары из трав, сам же поил, но состояние иноземной пленницы становилось все хуже и хуже. Вильям, видя страдания любимой женщины и понимая, что не в силах ей помочь, уткнулся головой в дальний угол пещеры и плакал, время от времени вытирая рукой соленые слезы.

– Пойдем вместе со мной, – предложил атаман Василию Кореню, – я нашел местечко, где можно покаяться перед Господом за наши грехи.

– Сам иди, – насупился подельник, – коли душа просит. А я лучше схожу куда-нибудь да добуду лепешек.

Атаман вздохнул:

– Ну, иди...

Когда подельник скрылся, Кудеяр снова пошел на облюбованное им местечко и также истово, как и в прошлые разы, молил у Господа прощения за совершенные грехи. Теперь для него это занятие стало главной, а возможно, и единственной целью в жизни. Конечно, его товарищ не мог не заметить перемену, случившуюся с Кудеяром. Но считал этот душевный срыв явлением временным, связанным с последними неудачами.

Когда Джейн стало еще хуже, Кудеяр развязал ей веревку на руке, за которую женщина была привязана к торчащей из стены каменной скобе, и отпустил на волю. Но та, обессиленная болезнью и плохим питанием, уселась возле пещеры на камни и стала плакать. Никуда уйти от места своего заточения она больше не могла. Джейн было так горько, что даже слезы казались сладкими по сравнению с той тоской, что поселилась в ее сердце.

А Кудеяр, виновник всех ее бед и несчастий, снова ушел на маргаритковую поляну за покаянием. Один Василий Корень хранил самообладание, стараясь не поддаваться душевным терзаниям. Хотя и у него закрадывались подозрения по поводу хранящихся в ларе сокровищах. Уж слишком быстро вкривь да вкось пошли их дела после того, как они их обрели.

– Василий, – предложил однажды Кудеяр, – давай ентот ларь с сокровищами зароем в землю, дабы них евно не сыскал. А сами покинем мыс Айя та подадимся на Волгу. Упомни, яко нам было вельми хорошо на Волге?

– Нет, – отрезал Василий, – рази я по доброй-то воле откажусь от сих богатств?

– Да рази ж здесь добра воля!? Окстись, вона што с нами деется, поди страх один!

– Зрю, – гнул свое Корень. – Однако ж отказаться невмочь. Сие мне дело тяжко.

– Ну, токо як хош, – сказал Кудеяр, – а я буду делать тако, яко мне сподручней.

– Поди, уйти порешил? – в глазах Кореня мелькнула неподдельная тревога, – а елико я сгину, тако ж и ты один сгинешь!

Часть III Окаянные самоцветы

Глава I

Ильяс-Кая

1

Кудеяр собрался уходить с Айя уже в ближайшие дни. Но прежде он разделил сокровища на две равные доли: верхнюю часть ларя взял себе Корень и просто пересыпал свои самоцветы в угол пещеры, притрусив сверху сеном. Сам же атаман поступил со своей долей по-иному. Вместе с подельником они поволокли вдвоем «полегчавший» ларь на мыс Айя, где имелась странная пещера. Когда-то ее обнаружил Кудеяр и даже предложил своему товарищу хорониться именно в ней. Но сейчас им обоим стало жутко, страх буквально сковал их. Пришлось убраться от злого места подальше. Разбойники больше и не помышляли заходить в нее. И вдруг Кудеяр решился на такой неожиданный шаг. Ему в голову пришла простая мысль: если человек не вхож в пещеру, то ларь с драгоценными камнями там сможет находиться очень долго, никем не потревоженный. Теперь ни один самоцвет из доли Кудеяра не сможет причинить кому-то зла.

Что же касается богатств, доставшихся Кореню, то тот имел право поступать с ними, как заблагорассудится. Здесь Кудеяр не мог указывать своему подельнику. В конце концов, у каждого своя воля и у каждого своя смерть.

Простившись с Василием, Кудеяр решил идти в христианский монастырь святого Ильи, приютившийся в расщелине хребта Ильяс-Кая, что возвышался каменным массивом над морем слева от Святого мыса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.